

«Лес является единственным, открытым для всех источником благодеяний, куда по доброте или коварству природа не повесила своего пудового замка. Она как бы вверяет это сокровище благоразумию человека, чтобы он осуществил здесь тот справедливо-плановый порядок, которого сама она осуществить не может».

ЛЕОНИД ЛЕОНОВ. «Русский лес».

№ 18 [944]

СЕНТЯБРЬ 1966

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА»

СМЕНА

Центральный Комитет ВЛКСМ обратился к комсомольцам и молодежи страны с призывом вносить свою лепту в изучение и составление летописи героизма советского народа, проявленного в годы Великой Отечественной войны, на фронтах гражданской войны, бережно, но крупными, собирать все факты, связанные с нашей историей — историей первого государства рабочих и крестьян.

25 лет назад на московской звезде было великое сражение. Советский народ, его доблестная армия разгромили немецко-фашистские полчища и отбросили их от стен родной Москвы.

Молодежь столицы и столичной области чтит память тех, кто отстоял Москву в грандиозном декабре 1941 года. Тысячи отрядов идут дорогами прошедшей войны. Молодежь прослеживает боевые пути воинских частей, разговаривает малоизвестных героев, ведет большую агитационную работу, создает музеи боевой славы в школах и на предприятиях. Мне хотелось бы при этом посоветовать всем участникам походов по местам боевой славы, не только москвичам, конечно, все свои записи, фото, зарисовки, памятные предметы, найденные или полученные от местных жителей, ветеранов войны, сдавать в райкомы комсомола. Необходимо также пояснительная записка, когда, от кого получили или где найдены предметы, при каких обстоятельствах, следует указать ваше имя, отчество, фамилию, профессию, место учебы или работы, домашний адрес.

Имена героев войны должны быть известны. И если тогда, много лет назад, малоизвестные факты героизма оставались плохо изученными, подтвержденными, то сейчас мы обязаны во весь голос говорить о тех, кто отдал жизнь за счастье народа, кто выкасал победу в неглерной борьбе. К комсомольцам о некоторых героях мы знаем до обидного много. Предстоит огромная и почетная работа исследователей войны, и она мне кажется выполнимой, потому что в нее включалась наша многомиллионная комсомольца.

Анатоле герою — очень скромному человеку, не бьют себя в грудь и не очень любят рассказывать о себе. Может быть, поэтому москвичи совсем не знают Ефима Дыскина. А между тем Дыскин — один из первых героев Советского Союза, защитников родной Москвы.

В 1941 году Ефим Дыскин, окончив десятилетку, готовился к поступлению в Московский медицинский институт. Разразившаяся война нарушила его планы, как и всех юношей и девушек той тяжелой поры. Юный патриот добровольно вступил в ряды Красной Армии и попадает в зенитную артиллерию, которая летом и осенью первого года войны чаще всего использовалась как противотанковая.

В бою за Москву 694-й зенитный артиллерийский полк, в котором служил Ефим Дыскин, действовал на одном из участков фронта 16-й армии. 15 ноября 3-я батарея занимала боевой порядок в противотанковом опорном пункте у деревни Горки в полосе 52-й кавалерийской дивизии. На следующий день противник перешел в наступление, но в непосредственном соприкосновении с подразделениями опорного пункта, в составе которого действовали батарея Дыскина, не вошел. Батарея подверглась жестокому артиллерийскому и минометному обстрелу и понесла первые потери. Но самое трудное предстояло впереди.

С утра 17 ноября немцы возобновили наступление и, имея значительное превосходство в силах и средствах, прорвали опорный 52-й кавалерийской дивизии, вклинились в ее боевые порядки и продолжили развивать наступление.

Еще до решительной атаки танков огнем противника были уничтожены три орудия 3-й батареи, у одного уцелевшего остались в живых только два человека — рядовые Дыскин и Гусев. Около 20 бронированных машин шли на единственном орудии. Рядовой Дыскин встал за наводчика, и два хабаровца, два пламенных патриота открыли огонь по танкам. В это время в их орудийном окопе появился политрук Бочаров, с трудом пробравшийся к ним под сильным пулеметным и минометным огнем. Уже побито два танка, но убит Гусев. Помогите Ефиму бросается Бочаров. Не будучи опытным, квалифицированным новодчиком, Дыскин готовит каждый выстрел очень старательно и бьет наверняка.

И прикладывает только ударившись, орудия у этого вчерашнего школьника, почти не обстрелянного молодого бойца нащлось такое присутствие духа, такое удивительное бесстра-

В. И. КАЗАКОВ,
маршал артиллерии,
начальник штаба похода молодежи
и комсомольцев Москвы и области
по местам боевой славы
советского народа

Вот уже подбит пятый танк и слиты, как бы в отместку за него, третьи ранение в беду. Один за другим подбивают на еще два танка. Ранен его добровольный помощник политрук Бочаров. Дыскин остается один. С трудом зарывает орудие, наводит его в приближающийся восьмой танк и тут получает четвертое ранение — в ногу. Обесмятленный бой, теряя сознание, падает.

Указом Президиума Верховного Совета СССР от 12 апреля 1942 года за Беспримерный подвиг, совершенный во имя защиты Родины, Дыскину Ефиму Антоновичу посмертно было присвоено звание Героя Советского Союза.

Но рядовой Дыскин не погиб. Как же сложилась его дальнейшая судьба? Не удалось установить, кто и когда вынес тяжело раненного бойца с поля боя. Теперь уже известно, что сначала Ефим попал в госпиталь в районе Истры, потом его перевели в один из московских госпиталей, а оттуда уже отправили на лечение в Свердловск.

Первые сведения о совершенном подвиге были получены командиром одного из подразделений, которое в то же время находилось от орудия Дыскина. Позднее многие подробности стали известны от политрука Бочарова, с которым, кстати, Дыскин मिलовался вступил в один из госпиталей, и тот, сидя с рукой свои члены, подкаракивал ему на память о жестоком бое за Москву. Наконец, много интересного я узнал и от самого Е. А. Дыскина, с которым встретился и с огромным удовольствием беседовал.

В Свердловском госпитале Е. А. Дыскин пролежал долго, почти полгода, и за это время произошли интересные и очень важные в его жизни события. Во второй половине апреля 1942 года, как-то после получения очередной почты, к приезду Дыскина и постыли Дыскину пришли группа товарищей, и все стали шумно поздравлять его с присвоением звания Героя Советского Союза, тут же показывая свежий номер газеты. Прочтя Указ, несмотря на полное совпадение фамилии, имени и отчества, Дыскин поздравлений не принял, считая, что к нему это не относится. Но Указ говорил о рядовом Дыскине, а я, как все видел, живой, хотя тоже Дыскин.

Все заговорились и кто-то посоветовал написать письмо М. И. Калинин, чтобы рассеять все сомнения. По настоянию товарищей Дыскин так и сделал. В своем письме всесоюзному старосте он рассказал о возникших сомнениях и о том, где воевал и был ранен. Ответ не заставил себя долго ждать. Через несколько дней пришло большое письмо от М. И. Калинин, в котором он подтвердил, что высочайшее звание присвоено именно ему — рядовому 694-го полка Ефиму Дыскину, высказав большую радость по поводу того, что он жив и что ошибка, вносящая в Указ, оказалась на счастье, именно ошибкой. Заканчивалось письмо очень теплым поздравлением и пожеланием скорейшего выздоровления.

Ему уже давно стало ясно, что ранения не позволят вновь встать в строй и вернуться на фронт. Узнав, что при госпитале есть фельдшерские курсы, завершив своей давнишней мечте и не желая терять больше драгоценное время, он начал регулярно посещать эти курсы. В 1944 году в госпиталь приехал начальник Главного санитарного управления Советской Армии генерал-полковник медицинской службы Е. И. Синицын. Побеседовав с Дыскиным, он предложил ему поступить в Военно-медицинскую академию. Дыскин согласился без колебаний. В 1962 году он стал кандидатом медицинских наук, а недавно, будучи в Ленинграде, в беседовал уже с полковником медицинской службы профессором Военно-медицинской академии Ефимом Анатольевичем Дыскиным.

Я верю, что много среди нас таких, как Дыскин. И мы не имеем права не говорить о них. Отправившись в походы по местам боевой славы, молодежь идет искать следы героических людей. От души хочется, чтобы каждый поход приносил всем нам так нужные сведения. Даже малейший штрих, промелькнувший в разговоре фамилия должны послужить нечагом большого поиска. И плавно и живые воспоминания вашего значения, мои юные друзья! Ваша память о них — лучшая день мунка солдат.

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

ЛИТЕРАТУРНО - ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ
И ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ
ЖУРНАЛ ЦЕНТРАЛЬНОГО КОМИТЕТА
ВЛКСМ

Год издания сорос третий

18

(стр.)

СЕНТЯБРЬ 1966

ИХ ГЕРОИ!

КОМСОМОЛЬСКАЯ КЛЯТВА

«МЫ, УЧАСТНИКИ ПОХОДА ПО МЕСТАМ
БОЕВ С НЕМЕЦКО-ФАШИСТСКИМИ ОКУПА-
ЦАМИ, КЛЯНЕМСЯ:
БЫТЬ ВЕРНЫМИ СЛАВНЫМ БОЕВЫМ
ТРАДИЦИЯМ СОВЕТСКОГО НАРОДА,
ЗДЕСЬ, НА МОГИЛЕ ПАВШИХ ГЕРОЕВ,
ОБЕЩАЕМ СВЯТО ХРАНИТЬ В СЕБЕ ПА-
МЯТИ ВАШИ ДЕЛА И ПОДВИГИ, СДЕЛАТЬ
ВСЕ, ЧТОБЫ ВАШИ ИМЕНА ЖИЛИ В ПАМЯ-
ТИ НАРОДА, ЖИТЬ ЕСТЬ НА НОВЫЕ ПОДВИГИ,
КЛЯНЕМСЯ, КЛЯНЕМСЯ, КЛЯНЕМСЯ!»

(Из клятвы подпольских комсомольцев.)

Командование похода — командир Галл
Фурчалюк, комиссар Володи Миронов и
старшина Анатолий Костычев — сидят на
поваленном оловом стволе. Едва успеваю
представиться, как меня выключают в юности.
Идет последнее обсуждение программы
ротевого КВН. Начало в восемнадцать трид-
цать. Команды — «Атланты» и «Закрепите-
ль» (почему «Закрепитель», я так и не
успел выяснить) — представляют свои номе-
ра и теперь готовятся и изверженным вопро-
сам судей и болельщиков. Болельщики при-
стально спальные мешки и одеяла, обручи
стволов — готовят «зрительный зал». От ко-
става летят в туманное небо искры: де-
журное отделение готовит ужин. Рядом за
линией палатки журчит в камышках ручеек.
Я в лагере роты подпольских комсомольцев
под названием «Катюша».

Отсюда ребята ходят по маршрутам. Мар-
шруты неважные: по двадцать — тридцать кило-
метров в день. Сюда привозят опись сведе-
ния, собранные о боях, гремевших в этих
местах двадцать пять лет назад: сюда прино-
сит свои находки — оружие, снаряжения и
другие реликвии минувших сражений, сюда
приносят донесения о боевых делах, сделан-
ных для сохранения памяти павших геро-
ев: оборудована и привезена в подвал
Братская могила, отремонтирована памятник,
оказана помощь вдове участника войны...
А вечером всеполю горит костер в лагере,
слышится звук песни, звенит гитара, пы-
лут над палатками пароборы бонаны. Что-то
очень знакомое видится мне в этой вечер-
ней картине комсомольского лагеря. Сол-
датский лагерь на привале! Нет. Слышим
мелодии бойцы «Катюши», мелькают строи-
ные девичьи фигуры, которых не увидишь
в военном лагере. Так что жель и приходит
вспоминание. Вот так же двадцать пять

лет назад в июньские дни мы, комсомольцы Киевского района Москвы, раскинули свой лагерь в саду, что возле здания имени Фрунзе. Пели песни под гитары, смеялись, шутили, бедали в магазинах за харчем. А потом нас построили кавитки в земляной погранчной фургане, нам выдали наработки и объявили, что мы первая рота истребительного батальона Киевского района. И так и прошли для нас грозное осеннее дни сорки первого года. С одной стороны, мы — мажорский семнадцатилетосемидесяти лет с песнями и шутками, с неуверенным и незнанием, а с другой, мы — бойцы истребительного батальона, днем обучающиеся военному делу, ночью несущие патрульную службу по Москве, мы — те, кто потом засмеет, встанет под Можайском. Потом, сколько осталось нас потом? Не большие чиса от 41-го подольского истребительного батальона, по следам которого идет сегодня «Катюша»...

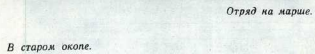
Чем больше я присматривался к ребятам, чем ближе я знакомился с ними, тем сильнее уверенность — ребята правдивые, настоящие, и если роте вот сейчас выдать боевое оружие, дать боевое задание, — вспомнит с честью, и слова в их илгитве будут в самую точку.

В Подольской горном комсомола за военно-патриотическую работу отвечает Слава Мученико. Бывший парашютист-десантник. Он рассказал, что сначала дело было поставлено спорно. Обком дал задание комсомольцам собрать материалы о боевом пути 41-й полковой дивизии. Предлагалось возмеморизированный поход по местам боев с привлечением комсомольцев с заводов, из школ.

Вполне начинание, если оно правдивое, ну, конечно, интересно, но останавливается на первом своем этапе. Слава так и не смог сказать мне точно, сколько походов провали комсомольцы по местам боев. «Приезжайте познание, когда своим обоб-

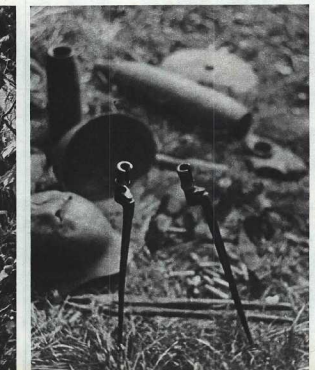

Многие вспомниа в тот день старей лесник.

Отряд на марше.

В старом окопе.

Следы отгемевших боев.

щить, собрать все данные. Ведь в походы у нас ходили и ходят все: заводы, школы, студенты». Показ что, по самым приближенным подсчетам, можно сказать, что около четырех тысяч комсомольцев прошли этии летом по тем местам, где сражались на последнем рубеже перед Москвой и остались фашистами бойцы 41-й дивизии; слабые подпольные курсыанты пехотного и артиллерийского училищ, оплеченцы подпольного рабочего полка, бойцы 41-го подольского истребительного батальона.

Давно многократно перевыполнено Первоначальное задание: дано собран материал, о котором работники военного архива Министерства обороны говорят с ослорожением. Во-первых, дело огромное — собрать по краскам сведения о боях, о подвигах и соединениях, об отдельных людях и их подвигах, надо немало потрудиться, тем, чтобы не дать померкнуть памяти о героизме народа, — восстанавливая памятники павшим героям, сооружая новые; за расквывает о том, что они ретини в городе создать силами комсомольцев аллею Героев. Дело большое, славно, святое.

— А как ребята? Как ведут себя в походах, как относятся к делу? — спросил я. И тут Мученико рассказал мне о втором, так сказать, части этого комсомольского движения. Дело ведь не только в том, чтобы поднять пласты истории. Очень важно то, как комсомольцы относятся к тому, что делают.

В июле состоялся большой поход, в котором участвовало восемь рот — около четырехсот комсомольцев. И вот тут-то в этом массовом походе во всем смысле проявилась высокая дисциплина, сознательность, инициатива ребят. Среди прочего важным делом ребята решили воздвигнуть большой памятник на братской стороне мостовке. Построили наладки на основании данных из пунктов — дело сложное и трудное. Ведь речь шла не о временной деравке, а о памятнике. Молодые архитекторы-комсомольцы предложили поставить железобетонный монумент в обрамлении гранитных плит, легкой ограды — словом, долговечное сооружение, достойное памяти героев войны.

Ребята работали день и ночь. Все планировали, манов дело они делавот.

Во встречах с оставшимися в живых участниками боев, в сборе материалов о военных походах и военных иктах, проводившихся на местах бывших сражений, — как-то, крепла прочная нить, связывающая память героического прошлого с жизнью нашей сегодняшней молодежи.

«Катюша» уже второй раз в путь. Рота заняла первое место в отряде, выдвинула в июле и завоевала право на получение самостоятельного задания. И сейчас пятидесят комсомольцев подольских предприятий идут по следам боев 41-го истребительного батальона.

В деревне Палино, на самой границе Московской и Калужской областей, стариком знакомились с величественной старикой — Павлом Ивановичем Волковым. Ему уже за восьмидесять. Рассказ Павла Ивановича взволновал комсомольцев до глубины души. Он рассказывал о том, что родился осенью сорки первого года в этих местах завлазилась упорные бои, фашисты разбиты и Москва. Наши намереть стояли здесь, возле деревни Палино. Волков оказался в немецком тылу. Он был тогда лесником и прекрасно знал все тропинки, каждый кустик, каждое дерево в лесу. С ним держали связь местные партизаны. И вот однажды ночью тайными тропами провел старей лесник партизанский отряд в деревню, в которой расположились гитлеровский штаб. Узар народных мстителей, захватив штаб, враг расползся; штаб был разгромлен, партизаны захватили все документы офицеров, а даже немецкого генерала! Возможно, что это лихое дело в немалой степени помогло наступлению на этом участке, которое началось на следующий день: обезглавленная немецкая часть в панике отступила.

Рассказ старого лесника был тщательно записан и прообщен и собранным материалом. А на следующий день отделение, вышедшее в дальний маршрут, принесло сообщение о том, что в пятидесяти километрах от лагеря обнаружена старая могила бойцов-подольцев. На следующий день командование выслало два отделения. Свои правды пятидесяти километром по дороге день напряженной работы по очистке, ревонты могила и возвращение в лагерь.

Гали Фурманков, командир «Катюша», секретарь комитета ВЛКСМ одного из предприятий Подольска, говорит, что и в первом походе и теперь ребята все чаще общаются и неи с вопросами: «Что это дальше? Не хоти они после окончания похода вот так просто расставаться друг с другом, сдружиться, сродниться? Так сказала, что они решили создать свой комсомольский походный клуб.

Меркнет огни в юстре, затихае лагерь. Завтра новые маршруты ждут молодых следопытов. Еще одно чудное, большое дело делают комсомольцы. Удачи им!

Б. МАРКОВ

Фото К. КАСТИВЕА

У СТЕН МОСКВЫ. 1941 ГОД.

Первый бой

Октябрьская полночь сыра и сера.
Не закурить. Не разнежить костра.
В лесу, где дорога, где мост и ручей,
В засаду залег батальон москвичей.

Рвет нервы скрежещущих гусениц крик.
Но каждый подросток к металлу привик.
Навстречу железному лугу летят
Бутылки с бензином и связки гранат.

С окрани столицы, с фронта труда,
Пришли эти русские люди сюда.
Чтобы в полночь, глухою в первом бою
Сразиться с врагом за Отчизну свою.

Огонь над железом бешует в ночи.
Замыкались танки. Вперед, москвичи!
Не дрогнет рука, и не дрогнет сердце.
И ярости хватит, и хватит свинца.

Бутылки с бензином и связки гранат.
Двадцать два ровесника рядом лежат.
Двадцать парней с одного боя
Прославленных наших цехов мастера.

Гревели орудия ночь напролет.
Нервные строчки строчки пулемет.
Ходил в атаку в раскатах ура
Двадцать парней с одного дюра.

Грохочет металл. Проступают из мглы
Коротких орудий ливые стволы.
И первого танка широкая грудь
Раздвинула плотную серую муть.

Когда от стрельбы раскалились стволы,
Ракеты взлетели над полком гуды.
В лесу, где дорога и мост и ручей,
Атаку отбил батальон москвичей.

Алексей СУРКОВ

Мы на Западном фронте раньше, чем другие соотечественники, почувствовали угрозу, которая стала нависать над советской столицей.

Уже во второй половине июля, когда фронт остановился на рубежах реки Волги и Верхнего Двипра, остро чувствовалась тревога за судьбу Москвы, до которой оставалось всего триста с небольшим километров, укололо наши сердца.

Тогда было написано мной впечатанное во фронтовой газете, в «Известиях» и разошедшее по всей стране в шапках стихотворение с тревожным и требовательным рефреном:

Вперед! В наступление! Назад ни шагу!
За нашу спину Москва.

Конец июля, август и сентябрь прошли на Западном фронте в упорной обороне, в первых успешных контратаках под Ельней и Демидово. Но чувство тревоги не поклоло.

Все говорило тогда о том, что враг уже готовится к новому прыжку и цель его — наша столица. Это чувство тревоги уславляли постоянные воздушные налеты на Москву, когда по ночам над головами фронтовиков дважды — с запада на восток и с востока на запад — пролетали на большой высоте армады вражеских бомбардировщиков.

Октябрь — ноябрь были месяцами удивления, не знающими себе равных в военной истории сражений, когда все учащались таранные удары врага разбивались о хребтушное с каждым днем сопротивлявшееся герою — защитнику Москвы.

В эти месяцы мы, маленькая коллектива писателей, работников фронтовой газеты «Красноармейская правда», работали, не зная сна и отдыха. Все виды журнальной работы — от вальмовских передовых, prize-winning записок, стихов до писем, до рассказов защитников столицы о их боевой работе — были на вооружении. Как поэты, мы писали в те дни стихи, продиктованные обонянием для всех чувством любви к родному городу, который нельзя отдать на другое воле врагу. Может быть, и написанных в ту пору стихов не хватало откровенности формы, но они выражали то, что несла в своих сердцах защитники столицы, и эти стихи читали и запоминали люди переднего края.

В эти трудные дни мне после одного чуда не кончившегося трагедией посещения гвардейско-сибирского полка Истрой поспешивалось написать стихи, ставшие вскоре известной на всех фронтах песней из землянок (Игушка К. Аистова).

Когда же 6 декабря из-под самых стен родного города герой-воин погнав врага на Запад, в наши стихи вошли всад за колоннами вояки трюмные звуки первой победы, предопределявшей будущей исход войны. Тогда я в цикле «Декабрь под Москвой» писал стихи, и поныне волнующие мое сердце:

Вот бомбами разметанная гать,
Горелых танков черная стена.
От этой гати помыслилась испить
Нелегкая железная волна.
Здесь в котловане в сугробе, в цанку
Чужие наши, проливые штыки.
Отсюда первый шаг за всю войну
Вперед, на Запад, двинулись полки.
Мы в песнях для потешства сберем
Названия тех сгоревших деревень.
Где за последние, горьким рубежом
Ночкалась ночь и начинался день.

Радист Морозов

В резком треске разрядов шуршит слова.
Пропадут и возникнут вновь:
«Горький», слушай меня! Говорит «Москва»!
Немец близко. Шарахнет готовь.
Вот они обомши леском бугором,
Вот бегут за танком вдводем.

Влево точку прицепа, навочки, сдвини!
..И замки, не договорив.
Донесла и батарее холодная синь
Одничкой короткой взрыв.

Вот столпились они на кресте дорог.
Трубка шестя! Батарее, огонь!

В желтой золоте листьев блестят штыки.
Смолок в наушниках треск и вой.
Поднимаюсь под пулями, сияв кулаки,
Песотница аступила в бой.

..Разлетелась от выстрелов ства ворон.
Низко стелется едой чад.

Шан солдаты в штыки в этот грозный час,
Под огнем не ломаю строй.

— Сдается, русский солдат! — кричат.
Но фанатов вой и шарахнет синь

Мы дрались за столицу свою, и нас
Вел твой подит, радист-герой.

Не сильны заглушить слова.
— Я не сдамся врагу,— говорит радист,—
Я умру за тебя, Москва.

Плева доблести, гордо реи
Лесва Родине-матери, что подняла
Плевы новых богатырей!

Москвичи идут в бой

Двадцатый год. На ветру полыхают знамена.
Под запекшейся кровью не видно осенней травы.
Это люди с «Трехгория», это люди с Гужона
В гневной ярости бой гонят врагов от Москвы.

Полыхают знамена. И путь наш начертан штыком.
Хочет Гитлер прорваться к горячему сердцу народа,
В двери нашей столицы стучит бронева кулаком.

Это наши отцы на Рожожской, с Башинлови, с Пресни,
Их героизмом была в эту осень Россия сильна.

Твердым шагом идут батальоны в туманные дали.
Сталь штыка, как рабочая воля, светла и строга.

Мы сломили о подвигах их богатырские песни,
Записали в историю золотом их имена.

Мы под грохот орудий клятву суровую дали —
Отогнать от Москвы бронева колонны врага.

О бессмертны их стоголовые шумом кричали.
Звонко вторила им пулеметная строга

Точен глаз на прицеле. Не дрогнут рабочие руки.
Мы врагов-чужеземцев сожжем, как суку труп.

Твои, кто пали в сражениях, своим сывальком завещали
Пуще сердца и глаза родитю столицу беречь.

Дальним правникам скажут свободные гордым выем:
Наши деды-орлы в октябре отстояли Москву.

Вспомни этот завет в октябре сорок первого года.

Знапальный фронт.
Октябрь, ноябрь, декабрь.

НАШ ЗЕЛЕНЫЙ ДРУГ

И. Е. ВОРОНОВ,

министр лесного хозяйства РСФСР

Забота партии и правительства о зеленых богатствах страны, о тех, кто служит лесу, нашла свое отражение в недавнем Указе Президиума Верховного Совета СССР, по которому с нынешнего года каждые третьи воскресенья сентября празднуются «Дни работников леса».

Наша страна наиболее богата лесом: ей принадлежит свыше одной четверти всех лесов мира, 95 процентов лесов СССР сосредоточено в Российской Федерации. Здесь ежегодно заготавливается более 350 миллионов кубометров древесины.

Днем и ночью дымит трубка заводов и фабрик, выхлопные газы автомобилей, тракторов, пары бензина, углекислота, пыль — все это отравляет воздух. Но лес — верный страж здоровья человека. Только один гектар леса в течение года очищает приблизительно 10 миллионов кубометров воздуха.

В лесах много дичи, ценной пушнины, ягод, грибов, орехов, лекарственных растений. Деревья спасают почву от размывания и выветривания, сохраняют ее структуру. Деревья защищают реки от обмеления и высыхания, укрывают пески, балки, овраги. Зеленый лесной покров сохраняет и резко повышает урожай на наших землях.

Величавы, могучи наши леса. Но не секрет, что кое-кто полагает, будто лесные запасы у нас неисчерпаемы, безграничны и леса можно вырубать, не считаясь ни с чем. Вот почему судьба леса вызывает озабоченность нашей общественности. В новой пятилетке мы должны расширить работы по восстановлению лесов и повышению их продуктивности, более энергично бороться с вредной почвой, организовать работу по созданию ползащитных насаждений, улучшить использование лесных ресурсов. По предварительным данным, лесовосстановительные работы развернутся на площади около 9 миллионов гектаров. Лесные породы будут посажены и посеяны на площади свыше 4 миллионов гектаров.

Лесное хозяйство отличается от других отраслей длительным периодом производства. Срок выращивания спелых древостоев — 50—100 лет. Поэтому особое значение приобретает длительность срока работы специалиста в одной области. На лесничих и лесниках лежит главная обязанность по сохранению и приумножению зеленых богатств. Среди тех, кто несет службу в лесах, более ста — заслуженные лесоводы республикан, свыше четырех тысяч человек награждены почетными знаками «За сбережение и приумножение лесных богатств РСФСР». Добрые слова можно сказать о лесничих П. П. Осипенце (Волгоградская область), П. Н. Дьячонове (Камчатская область), И. П. Чернове (Муромская АССР), И. С. Шиндренко (Магаданская область) и многих других.

Подготовку кадров для лесного хозяйства ведут на территориях республикан 12 вузов и 33 техникума. На наш взгляд, в лесотехнических и лесохозяйственных институтах необходимо увеличить прием на лесохозяйственные факультеты.

В озеленении населенных пунктов, магистральных дорог, в создании скверов и парков, в охране лесов от пожаров и нарушителей активно участвует наша молодежь.

Популярными стали организации во многих районах республики молодежные организации «Зеленый патруль», которые содействуют работникам лесного хозяйства в проведении лесовосстановительных работ, в борьбе с браконьерами и воспитывают у молодежи коммунистические отношения к природным богатствам.

Вот уже шестой год помогает работникам лесного хозяйства группа школьников Жуковской средней школы Брянской области, руководимая заучком Артюховым И. С. и учительницей биологии Кисевой Е. В. В начале года группа «Зеленый патруль» взяла на себя обязательства и 50-летию Великого Октября доставит численности общества охраны природы до 1140 человек, увеличит охраняемую площадь леса до 500 гектаров, посадит по 10 деревьев, усилит лесозащитную работу. Брянское управление лесного хозяйства организовало общественное школьное лесничество, выделив участок леса площадью 809 гектаров. Утверждено Положением об общественном школьном лесничестве. Совет лесничества избрал из числа учащихся лесничего и двух его помощников. Искренне министерства одобрила и высоко оценила работу «Зеленого патруля», наградив учащихся и учителей почетными знаками.

Мы призываем молодежь посвятить себя благородному делу — служению русскому лесу. Все, что любит родную природу, ценит ее, понимает важное государственное значение наших лесов, будет искать и находить все новых друзей зеленых насаждений — красы и гордости нашей Родины.

ПЯТИЛЕТКА И ТЫ

Г. КОВАЛЕВИЧ
Фото С. ПЕТРУХИНА

Когда-то воображалась мне эта временная прекрасная жизнь — среди мудрой постоиности вельского глубокого леса, в соседстве с жаселью вранского мушкетера селенобородого, деду-лесовика... Воображалась его либа, чистые робкие голоса пред утрян и теплой поной вечерою с туманами, пение блуждания, чай и разгосноры... Шедою добро русского леса, с его зверем и птицей, разным грибом и ягодай, с досею салью у пиванного избяного оносца...

Большой лес начинается уже с Вранщины, с южной Тульщины и идет русскими землями к северной Волге, набираясь хвойного сумрака.

Перед Волгой от леса до леса пешком не дойдешь, тешат их поля. Из марной, пропыленной машины с просеяна видешь, как над тусклыми горизонтами висит вилле пылевые негрозные смерчи — степь, настопля степь.

Нового дественный «природный» лес отступил в Завольжье? Югомергах в сорона у Ярославля, югое районного поселка Некрасовское, — три дома, принадлежавших местному лесничеству, контора и два жилья. Один лишь прустует покуда идет чужного лесу человека — механикатора на постоянную службу и слугубо. В другом — семьи молодого лесничего и его помощника. По вечерам ходит от лесничий в контору смотреть телевизор. А, собираясь в обход своих далеколевищных участков, иногда садит коня, ружье закидывает за спину или — по легу — выкатывает со двора мотоцикл. И внажде утро свает с собой семилетнего Игоря — в районный детский.

Жизнь лесничего Валентина Голубева — на миру, как говорится, хотя не так уж и часто съезжаются к нему по рабочему делу его лесники, числом в двадцать четаре, живущие по деревням. Люди довольно большая частью. У тех она и вовсе внешне не отличима от колхозной, крестьянской. Теперь поди найди отшельника лесного, кичливое пасущего свое зеленое стадо.

Мое путешествие в леса началось по одному утра, по теплему утра. Где-то в начале четвертого глухого часа, до солнца, вдруг проснулся, муштвуя, что больше не успею, и тихонько, со слабым кружением головы, выйду, а сени, за порог — под светлое, но еще безоблачное небо. И, наметая, услышав тишину спящей земли, спойно бы сам ты одно, на ней дышащее существо... Ни

ДЕТЯ С ЧЕЛОВЕКА

ближнего птичьего голоса, на широкой травяной мейской гряде — все угоминилось давно, все в большом сие.

Вчера наездился, находил, провалился сонник, к вечеру уже стали туготить, терять разнообразную приламательность, аплетелдекия — и вот жарено, те пера, в одиночестве гласку в прожитый день и увидывало тому, как отлочно все поинител и маинии соиноренения обочариваете это очарование, хочу знать те перь особенную жизнь маиней маиней маиней приметной травинки лесной, маиней волно растущего дерева... Хочу, хочу знать лес! И хочу знать эти листья, хочу научиться секретам их доброты и жизнелюбия. И Ирславские на пидетиду предостит посадить больше 40 тысяч гектаров леса. Это громадная работа. Посадить бы столько лесу — и умарать монной! — все говорил наш спутник, директор лесхоза Николая Александровича Брохин, высокого, но отнюдь не просоудного — маинего очиня, русского — склада человек. С ним было легко и приятно общаться. И как был он удовлетворен всем, что Уиндел в кварталах Ирславского лесничества, как весело был неутомим в лаванье хожения, еде — в этом своем новом, только из маинина и уже илмтом, пропильном костюме, на котором болтались забытый армянон: надел точно на свидание с лесами!

В сторону Костромы — пограничные леса. По восточным опушкам проходит Ярославско-Костромская граница: лес «наши», а уж что дальше, за полями — «чужие», там жарко бы и жарко другая. И все это ближние участки лесничества — «ближние» так, к слову, потому что и «досюда» не больше десяти — пятнадцати километров. А по-настоящему дальше — те за все семьдесят зимой вершок на лошади, если по срочному рабочему делу, обьявденно не обещиваться. Тут уж поочина у лесника.

День следующего леса не помню. И в этом смысле нигде небольшим хзайством все-таки 24 участка, свыше 19 тысяч гектаров! Прибавить сюда внезапно появившийся набор бригаднеров с топором — нет, неслетно работать в лесу.

Последняя ярославская деревня поюди — Лихоборово. Изым точно присяду пошши да и застыли на каком-то развеселе, поиненце Лихоборово... Утро суинило, под синеиним жаривие очини видни слепит серебристо-зеленый светлосиним блеском.

«Уаин» сворачивает в солнечный луг, на киргудую полянку, прыгает, подбрасывается на ресорках. И светло замеленный молодой эллинчик, перемеженный редкой слякой и березой, встречает духотой нарядной травы, жареное, хвой — этим всегда немного печальным запахом леса на середине жаркого бездождового лета.

На лугу, у лесной крошки, разбит птотомин. Невазели, разбит в асфальте. Птотомин, говорит Валентин Голубев, его материя хвагает на пшановые поинии (в течение десяти лет 1 200 гектаров — за счет кустарной, прогалин, сплошных вырубок и реконструкций мароченных насаждений).

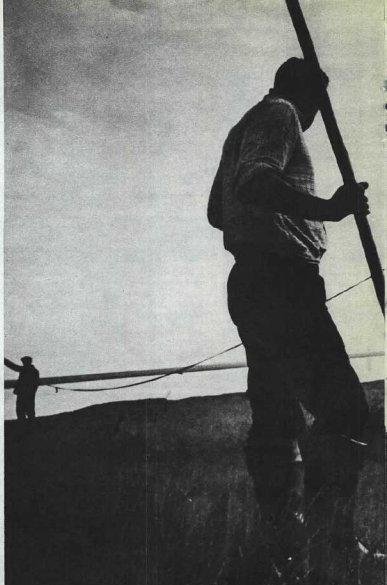
Прохотные, от кустиков травы неотличимые слоник-однолетки — все подымают из семени, которое весной добуывает из шишек, верта в грохочущих барабанах-опылительницах, а во жару ветт теплым парной веттер от топок. Высыхают их по-весне. И вот лес приоткрыт себе по-лету, покуда из слабого младичества не поднимутся и не встанут на крышке пор-

ни. Тогда перенесут сажени в чистое поле за сплунут кругом на случай, если из одристого леса напарвет пяд. Им надо жить. Надо выжить, чтобы стать большим лесом и расти до черной.

Достигнет он пятилетнего возраста, придет люди высветить его, чтобы маиндому малому деревцу было солнца в достатке. Тут и первая дрова, но пока лишь пять кубов с гектара. А затем — прочее, худалось, вынке, проходила и санитарная рубка. Только к восьмидесяти годам лес обретет полную зрелость и наступит время первых по-рубков. Долго растет лес!

Где-то, казалось, собирался дождь, над лесными горизонтами копилась туманье, подпоясанные облачка — ввечеру, худалось, гроза проидет. Дождя давно уже не было, как бы он в пору приехал!

Все я присматривался и Валентину, все разговаривал старался: наречь, молчаливые, застывшие, больше слушал. Лишь знал о нем, что здесь лет назад окончил Рязанский лесной техникум, что хозяйство на виду среди прочих. Надо бы до слушать его по-крестьянски неслезно, расудителю рать, говор воло-

Лесничий. Хозяин, раздетель леса.

Деревя Дралают и сибит... На береговой пущости у Воли размечают новый лес, как в соробках размечают парк...

Сегодня жизнь леса
обрезают одни, за-
трагивают на смену при-
дут другие...

годекий, на круглые «о». Да только и сам он, верно, присматривался к новому человеку. Средних размеров «на жизнь» не затеял, как другие, восточнелись мне в нашем «лесной путешествии» глубоким соседнего с Неврасовским — в шпите из нейлоновой големки и поперек сатиновых шароварх. Валентин па-рень был основательный. Собственно, это и было первым впечатлением — ос-новательность. Она броса-лась в глаза.

Познакомились в лескоме, как-то наспех, и всего то и осталось в памяти понача-лу: здоровенный парень, в шине надвинутой, углою тельняшка под застегнутым до последней пуговицы старенким куцом пиджаком... Среди прочих лесничих, съехавшихся в тот день на совещаение (все на часы по-типылают, лица какие-то отдаленные: повиного чело-вечка дыма хозяйство ждет). Голубев один был не-возмутит: заранее ушел, что на заседании да на всякие переверты да перекуры весь день мчал. А над, значит, веда...

Вот думаю, прикидываю, что привык кто в лес, проф-фессию подкачал? Иной деревиный парень после

семилетки уславывает чело-вечу, туда и глаза глядит. Молодой — так молодой. Или курсы трактористов... Валентин вырост в возро-дской лесной деревне. «На осоту пошел уже со второго «класса», — говоря он. Может быть, отсюда и выбор профессии?

В техникуме познакомил-ся с будущей женой, мест-ной, из Неврасовского. Приехали, отстроились, вскоре семья приважила на две души. Супруги и ра-ботать стали вместе. Иная получила диплом мастера леса.

Сначала Валентин был помощником лесничего. По-том лесничий лесничий до-билась чина институтского диплома и подала в Костро-му, Ерохин смался:

— Ладно, хоть одного ана-дейма выростили! И вспомяну этот разго-вор с инструктором лескоме и спрашиваю Валентина: сам-то он не глядит на торода? В институт не собираете?

Помалю, подумал: — Нема нет. Техникуме достаточно... Если, конечно, в «академию» не стреми-ся. А я от лесу не собираю. За литературой все время слежу, выписываю специальные журналы...

— Да тут у меня все что с самого детства: охота,

Отсюда, из поселка Некрасовского, уходит на службу лесник, сюда возвращается.

Конечно, прежде всего! С людьми умеешь, как-то умеешь... — И уточнил: — Знаешь уже лесную жизнь?

— Вот, — говорю, — встали ни свет ни заря, то телефон поднимает в пикет утра.

— А нормы нет. Да и привычка! С детства.

Темой, как Валентин, омонит это — в лесу оста-

нется. Обязательно.

— А леса все стояли — то

неопадеду, то на горизонте,

и справа, и слева. Молодежь, высеченные солн-

цем леса. В камфарной ду-

хоте пробирались спящим

лесом — еще не видел такой

непродланой гудии. — Вес-

ной осенью солнечной нежной

зеленью высоких сосен бе-

зели: еловые жуки и и —

через противоположную ро-

вец — на поле южной лесной

пещарам в 107 гектаров.

Елочка по лесу в траве —

это не питомник, где ни

травинки, где точно градки

городовые. Здесь уже цв-

еточное изобилие, здесь уже

россаки мушкетер заманли-

ки. Глазку по мутовкам со-

крестим веток, сколько ни

лет. И удивляю: три, че-

тыре. Кто-то, приващившись к

услаивающему ритмам стволу-

ку, висят ранние бледно-зе-

леные шишечки.

За эти посадки Валентину и леснику участка лесхоз присудили денежные премии. Директор Алыхин, расчувствовавшись, испомнил:

— Ты чего же молчишь?

Тут закутись — и из го-

лоды юго

Валентин по застенчиво-

сти напомним не решился:

«Ну, как смеешь! Несов-

кор».

— Верси повявись! — Он

подходит ко мне с мучной

травой — типичная лесная

среда... Вот здесь шестьсот

тысят посадок.

Алыхин размырывает от-

чаяние: не он посадил!

— Это черт знает, мужи-

ки, лесу сколько будет! И

руками, между прочим, по-

слесом. У нас, конечно, мо-

хавизированные посадки, но

бывает и... Жизнь, есть

жизнь, понимаем? А бата-

лья была за это поле в

шестьдесят третьем! Вален-

тин Васильевич помнит... Бе-

зели колхозная, бросовая,

один сорник рожала. Про-

слем отбавля, не помятете.

Посмотрите, что сделаем. И

глядя мужики, это лес или

не лес? Нет, помятеть мож-

но — помятеть есть!

Ужур, никогда Валентин

не думал специально, есть

ли у него эта самая к лесу

любовь. Он просто работа-

ет — лес растет.

Крестьянская поклада

стая основательность в от-

ношении к жизни, к челове-

ку, к своей работе на земле.

Может, это и есть главное,

на чем держится и собст-

венная его жизнь. Да еще

то, что лесу мучно? Дояв-

ский глаз и сметна. Пауэ —

терпение. Лес, земля не лю-

бит материальным.

Поэме, на рыбалке, ска-

жет он о своем дивеико —

и обрывает это, удивит: на-

строение было хорошее

свечом.

— Так, запишишь когда...

Дачам живешь? И у дерева

есть смысл. Это ему чело-

век дает. А ты сам чело-

век. Когда есть смысл —

ничего не пошлится?

— Показал бы?

— Нет. Не проси. Тот-

но — нет! Это для себя.

Ну, нет так нет. Да и

откровения хороши, когда

с ними с глазу на глаз. И

Валентин — к тому времени

пошел — не из тех, кто ссе-

чет дважды повторит.

Ишь, не увидел его «на

поле», в жаркой работе.

Посады приплел на те-

хую, «неудобную» пору; ле-

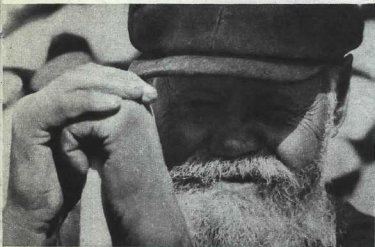
то стоило. Теперь разве

только обход участка да

наряды на дровяные поруб-

ки от прореживаний. Основ-

— Валентин-то? Лю-любит лес... И знает.

Угро застает его на дороге в лес...

ные работы — весной. В других лесничествах, которые покрупней, леса на ходу — пилит тарную рейку, новые корья заготавливают (дубильное сырье) да осиную пелу тонят — иршии ирять. Бартошку посадили — сколько-то там посаженных по нормам совет (шесть новых в хозяйстве лесничества, нынче и картофель сдавать им предписано). У Валентина нет покуда машинных цехов. Метам вывалили, черныш выстрогал — «подсобная».

Тогда-то в моторе возле цехов и встретил и человека с вешним лесостроительством. Молодой, Ульчица, на каблучках. Всего полгода «на должности». Еще очень городская. Все, что к лесу имеет отношение, знает, конечно, как зубок, но как-то и давно работающему лесничеству таяться с ней в разуме лесных премудростей. Но подумалось грешным делом: ну, как себя-мнит? Вроде того «авдеевичка», в управленца, в филиал много-иногда НИИ, в город большой... Ах, простишь грешные мои догадки и иредосказки не осуществились. Впрочем, и дурного-то — подумайте! — нет ни меча, и науке нужна мощь.

А вот Валентин раз и навсегда положил себе кому-то работать и «черную» работу, хозяйство лесное вести. Он-то с лесом сжился по-дружески. Не развилась нынче и самообладанием высоким, видимо, приходит и танкову — земля кристанавает к делу и к месту, где человеку духовно свободней, где он полезнее.

Видится мне вода, вытекающая из-за травянистого берега, легкий туман, слышатся мерные колеса, и говор с лодки, и вечерняя глосса гугудис, покосив на сытуя ивоту... Лодка все приближается, растет, в ней трое парней, и гребет, не жетса, Валентин... широкая спина, обгнутая земной клетчатой безрукавкой...

Чуть светилась тиска вода за кустами. Вал уже плотный мряк — горел сильный востек, над водком с замкнувшейся ухой срудовал лесничий Вита Алина, сосед Валентина, от комаров глубоко надирнуя свою формуничную фуражку. Полюман, леса в оваренной темне на разостланных овниках, толмовали о лесе, о жизни.

— Все еще словно мы ижу себя, как слаку у лесничего Вана Голубева, который с 1937го мотутого, доброго парня, или еду с ним, или у пахаря к земле.

же молодыми, им посвященными силами пробираться... и вдруг сойдает это воспоминание несобавшегося, давнишнего наивного земляника — дед, отшельник... Нет, нынешняя молодежь, успешная пониять землянка, прочно прирастает к лесным работам, сердцем доходя до понимания своей народно-лесной службы. И я думаю о приобщении к иной романтике, к лесу героическому и многогрудному лесного и соидария. Давно истаят леса на ирслаской земле! И люди эти, с детства привычные уходу за лесом, что расчит земля, помогают ей вернуть свою утраченную полезную красоту.

— Не представляю себе, как можно не любить лес. Но что значит любить? Выход «на природу» для взрослого человека — тоже «проявление «любобного» чувства. Отношения потребителя с природой... Физическое потребление красоты — доступной и даровой. И не бесформенно-созерцательную любовь, а какой-то и говорить-то не принято, не украшенную словом. Чувство устроения, созидателя, может быть... Доброй и мудрой любовью. Как у пахаря к земле.

Дорого, казалось, не будет конца. Скользя и жывая, как отработанный бурый солидо, она медленно выполняла вполголоса грузинку, но потянул угол среди взрослых голого борщанина, то подбирался так близко к облатному крутому берегу Енисея, что становилось страшно глестать вниз, на сизую рабь воды. Порой под жгучим порывом ветра дождевая пыль вривалась в френдершу фургона грузинка. Чтой вое, оканывалась та! Притворите двери! И так сырь одна! — радовался из угла сильный старушечий голос. Туго повзвизгивая шерстяным платком, она высовывалась из-за огромного мешка и ало косилась на старика в дождевике и новой милиционерской фуражке. — Поравайли рты-то. Тыфу, проласты!

Старик дулко подмаргивал Лешке, нехота подгибая дверь за привазиный обрывок элентрического провода.

— Ох, и ласкова же ты, мать. Чой ни слово, то мей.

— А тебе бы только закатать наружку! Грузинки не видал, что ли? Лешка нехота посыпавал напиросу, перебирал в памяти и то, что уже удеглось за плечами. С той поры, как окончил службу и вышел на «гражданку», утекло времени немало — целых четыре года.

— Где только за эту пору не побывал он, чего только не переделал... После военной службы плавал на «торгашках», с геологами на одну сотню верст прошел, шоферил на крутых крымских дорогах, на Каспии кильку добывал, потом переметнулся в Сибирь. Колесная жизнь многому научила, не дозволяла брезговать ни большиим, ни малым. Приходилось плыгачить плотачал, загонил туркиги — туркиги, в лодочной воде свая мбнать — стояла в ней по пояс и жывал. Продоржний, грязный, устало валдился на казенную койку, глядел молча на сизые табачные плавунки. Думал...

Конечно, не слепой, видал во стороны и другую жизнь, сытую и теплую, да только хемелался на нее недала — не ажилка к себе, казалась уж больно тошной, застойной. Думалось: седаи он на месте, обзаведясь этим сытым теплом — и тут же потеряет навсегда что-то очень важное для себя. Мысль, что можно самую малость не дойти до чего-то существенного, настоящего, тревожила его, торолдила в ноздрю края. Он любил это бесконное время дорог, полное нетерпеливого ожидания, надежд и еще чего-то, что ощущалось лишь в движении. Чтой ему виделось вперед, к чему стремился, он и сам не смог бы сказать, но как-то смутные и гордые мысли о своей особенной жизни не переставали волновать его...

И вот снова в дороге. Дождин урывает шуршал по крыше фургона. Разбрызганная, в выбоинах, дорога отбивала охоту даже к самому захудалому равоторишнику. Из семи человек лишь шугерый старик в милиционерской фуражке не унывал, ровню тод хмельного был. Но его шуги, от которых прывакали в ладони до дечупки, едучие в райцентр на комсомольский слет, остальных насажиров не трогали. Молодая, ладная женщина в синей телогрейке и кирзовых сапогах дремала, клонилась к старнику на плечо. Старик унывал при этом и растерянно улыбался.

Машина вдруг жестко осела. Сады, шани и немья, по дороге растелилась глубокая лужа, оголила на миг сплюсченный серый голым и вновь торолливо сомкнулась над ним.

— Идот безрукий Пьяный, небоса! — заругалась из своего угла старука. — Кнички все вымоетал. Тыфу, проласты!

— В мешке-то орешек никак? — усмехнулся старик и, стаяну с лисой лобастой головы фуражке, вынул из нее сложенную для самокрутки газету. — До Еришцига твою верст десять осталось, не боле.

— Ну, орешек. Тебе-то что за горей? Сых миловал, а ему — тайга. Не воронимый, чой. Агент напелал какой.

— Сама грызть будешь иль на базар сдаришь? — не унимался старик. — Зубов-то, поди, не посчитать?

Старука привалилась к мешку, овердась, губами пошамкала.

— Сын попутный, говорун невасстыный.

— Зубаста, вижу, — заключил старик, пригича самокрутку.

Быстро темнело. Когда подъехали к Еришцину, в домах уже горели огни. Тико было в поселке. Казалось, будто кругом, в целом мире нет ничего, кроме черной нобы над голодой да стоющей прямо за домами, затаннейшей тайги. И огни в окнах как бы не принадлежали домам, а висели, удерживаясь чудом в дятриной темноте. Потом в доме напротив приоткрылась дверь, вырбосила наружу желтую полоску света, и кто-то, жужжа под лож фенарем, быстро шагнул к дороге.

— Эй, на машине! — долетел до Лешки голос.

— Йаш! Живей! живей! — закричала старука, проворно карабкалась вниз. — Мешок примяи, говорю. Люди, подайте мешок-то!

Старик с Лешкой валдуили мешок через борг на пригробленную Яшкучу спилку. Слышно было, как Йаша крикнул в темноте и двинулся к дому. Потом от кабин дотелся горячий говор, звеньяли монеты и через минуту старука, поддерживая обеими руками юбки, стала осторожно переходить дорогу.

— Эй, мать! окликнул ее старик. — Нет чтойбы попутчиков уготовить орешком. Не по-сибирски, слышь? Ох, и жадна!

Рисунок В. ЮДИНА

С Д А К

— Чтоб вас в болото завлекло, окаянный! Тыфу! — Старуха хотела

еще что-то крикнуть, но неожиданно задохнулась в кашле.
Машинка тронулась дальше. На небе, в прогалинах между облаками, свернули редкие звезды, невидимая луна тускло полнорвала дорожные

лужи.
«Копионачас люди, едут откуда-то, везут что-то в свое логово», — думала Ленка. — Идет старуха тоже, как прожидла — пора бы и на пенсию, а забот все одно полною головою. И ведь каждый считает, что живет по-настоящему. Чужды все-таки, честное слово».

Молодой парень в рыжих очках — геолог, знает, — распрямил в пароды на Север.

— Ты торсишь, торсишь, — забеспокоился старик. — Время позднее, вода в Енисее наедет. Заветр от нас последний парокход уходит. Прозевашь — табак дело будет.

После полудня уходит, — подтвердила женщина в синей телогрейке. — Вилет, в болото, в болото, и чего красное.

Ленка прислушивалась к разговору и думала о том, что ему тоже надо поехать на этот парокход, а то, чего доброго, застрянешь в этом захолустье на всю зиму. Он поглядывал на женщину. Ее лица теперь не было видно, но он хорошо рассмотрел его еще до того, как стемнело. Оно было красивым, но усталым и безразличным ко всему. Ленка еще тогда отчего-то заключила, что женщина эта, должно быть, несчастна и очень добра. И то, что на ней была синяя чистая телогрейка, и кирзовые сапоги, платок обнадеживал полные края, и простягивая серый платок — все это нравилось Ленке.

— Скоро ли доедем-то? — спросила она со вздохом.

— Теперь рядом, — отозвался старик. — Чужья, дорога ровней пошла. — Потом, разговаривая, пропирнула ладонями. — Муж-то, небось, ждал на дождике в гараже, по случаю проливное старик угадал, как влодь дороги мелкинузи первые отмычки, воспользули: — Ну, вот и дома! Копилчас карусели!

Высказывались у автодорожки в горах. Тусклые фонари расщеплялись над ветром, в облаках, и в него мелкого, по хлопкой дороге. Сынала беспрестанно изморось, и где-то далеко, словно на краю степи, покусившая только гармонь.

Ленка подперла женщину под локоть и вдруг спросила:
— Вы не из местных людей, а? Где родились, как? — и смутилась.

— На што нам это? — с усталым укором подняла она глаза на него. И, угадав его смущение, прибавила: — Из местных. Только не надо этого думать. Проходите.

А ты, погляжу я, невещный! — завывающая за плечо мешок, спросила старик. — Гостиляк у нас в лапале лок. Хочешь, лди ко мне.

— Не стесню ли?
— Не свал бы, коли стеснишь. В целом дело один я.

Дом у Тимофея Сидоричева оказался спаранным. Даже в темноте выделялись круглые, в облатке, торцы еще свежих бревен; выдать, заново недавно отстроились. Хозяиства старик не был никакого.

— Зачем? — говорил он, разбирая постель. — Денег хватает: три тары — три тары рук. Дочка с мужем поевозно рыбалат, да сам на пенсину. Того, бедя, ввучат тут? — Потом погасая свет, улетел, мигая огненным оком самоступил. — Ну, а ты? Куда путь держишь?

— На Север, — ответил с дивана Ленка.
— По берювке, ай как?

— Своим коном. Зачем кому-то надевать на шею?
— Вот дивол! А что работат-то?

— Любому делу друг.
— Ого! — Тимофей Сидоричев приподнялся на локте. — Да ведомо ли тебе, в какой цене такая рука у нас?

Через полчаса старик все знал о своем вечном госте.
— Не одобряю Ленесек, как хочь, а не одобряю! Чего тебе шатаешь по свету? Чего ищешь? Верись тут у нас на дело и живи. Край-то какой! Зверь, конечно, от мотора в глушь стал уходит: заводы ставят, парокходы да самолеты гудят, — но все одно очко справная. А простору окопало!

Ленке нравился старик, но спорить с ним было лень: хотелось спать. И почему-то думалось все о женщине в синей телогрейке.

— А сам-то чей будешь? — спросил Тимофей Сидоричев.
— Грудно сказать, — ухмыльнулся Ленка в темноте. — В эти лет у меня появились начеки, а в дальности один — стемно. В деревнюто после службы в кровным родным мало кто возвращался. А мне зачем?

— Ты вот кто, Ленесек. Утром сишь споль хочь, а в спаранку слезало в леспротокх — беспорядки кой-какие в глаза по дороге кинулись, улетать надо. Показывай на степе оставило. — И, уже выжидая, старик пробормотал: — Семью надо тебе обавозить. Намучаешься, а все одно к месту приберешься. Цыгане и те бродить перестали, а ты ведь человек русских кровей.

Куда Ленка пришла, хозяйка уже не было дома. Солнечные лучи коснулись в окна, дремал на выскобленных досках полоняток. Радуюсь хорошей погоде, он быстро умылся в сенях мягкой речной водой, позавтракал на скорую руку, уселся на старика — «Вот добрый, оставил на чужака жалу» — и пошел на пристань.

— Ты будешь, Ленесек, — сказала старуха, — привалившись прогарами. Но чистый и светлый, словно только что в бее выпаренный, Ленка вышел как раз напротив пристани, у которой разгулялась низкая баржа. Направо рекой, просроленным канатом и рокожей, Ленка

обвел взглядом берег, выложенный сплошь затопленными на зиму доврами. Лесне притаился, словно сточа на плутокот, работали лесопильщики. Было много как отсюда, так и отсюда, высокие сапоги, прямо в воде орудоваля ручными бензиновыми пилами.

Ленка сел на скамейку и, прикрываясь от солнца ладонью, стал глядеть на реку. По воде черными стручками плали одинокие бревна. «От плотот, выдать, где-то обстались», — думала Ленка. — Куда же теперь плыть? Неужели в это время? А может, до самого полосу? Вызернут там в вечные льды — и конец, Эх-ах!»

Он кушил билет, поглядывал, как мальчишки ловят с пристани рябу, и тайком навал.

Тимофей Сидоричев вернулся окошко полудня.
— Как тебе устать все же? — Взявизу, Ленку, копавшегося в чемоданах. — А уж было замолито о тебе словенно в леспротокх. Ты жеожай, погляди сам, тут верет пять всего. Попутные тоже идут. Не прильнешься — кати на Север. — Помолчал малость и ровно бы плыть в обросты Ленку, вчерашнюю, встретил там, на лесопилке.

— В синей телогрейке скамья, новышка?
— Вот как? — удивился Ленка. — Что ж делает она там?

— Кто и все — работат. Хороша шельма, ядрена. И признала вдале!

Дело сидела молча, глядела на облатке солонке половницы, курялт. Табачный дык слышал олоями вие под абакмуром.

— Нет, поеду! — твердо сказал Ленка. — Когда едешь, все чего-то лучшего делашь.

Тимофей Сидоричев развинул два картумов, припустился.
— Как ты, мотать, делашь? — Взявизу, Ленку, пожелет, око радом с тобой, а ты его черт те где попуту будешь отсыпашать.

— У меня скамья, Тимофей Сидоричев, как у нищего денег: всею жиюю подую, а в зарплатах все тоска одна.

— Не бойся, мыломо по себе оно вилта в руки не кинется, хоть ты плыть в обросты. Самому за гота брать его надо. Та-а-а!

— Конечно, — согласился Ленка. — Только ведь скамья счастью роина.

— Чего же ты ищешь, не возьму в толк?
— Чего? — Ленка поглядело затнулось пилпроток, задумался и вдруг поинял, что не смеюет ответить старуху. Бродя по краю такого не находилось... Но глядел он на Тимофея Сидоричева с чуть приметной ухмылкой, ровно тому не дано было поинять чего-то высшего, что хорошо понимал он сам. И мысленно говорил ему:

— Как ты, мотать, делашь? — Взявизу, Ленку, пожелет, око радом с тобой, а ты его черт те где попуту будешь отсыпашать.

— У меня скамья, Тимофей Сидоричев, как у нищего денег: всею жиюю подую, а в зарплатах все тоска одна.

— Не бойся, мыломо по себе оно вилта в руки не кинется, хоть ты плыть в обросты. Самому за гота брать его надо. Та-а-а!

— Конечно, — согласился Ленка. — Только ведь скамья счастью роина.

— Чего же ты ищешь, не возьму в толк?
— Чего? — Ленка поглядело затнулось пилпроток, задумался и вдруг поинял, что не смеюет ответить старуху. Бродя по краю такого не находилось... Но глядел он на Тимофея Сидоричева с чуть приметной ухмылкой, ровно тому не дано было поинять чего-то высшего, что хорошо понимал он сам. И мысленно говорил ему:

— Как ты, мотать, делашь? — Взявизу, Ленку, пожелет, око радом с тобой, а ты его черт те где попуту будешь отсыпашать.

— У меня скамья, Тимофей Сидоричев, как у нищего денег: всею жиюю подую, а в зарплатах все тоска одна.

— Не бойся, мыломо по себе оно вилта в руки не кинется, хоть ты плыть в обросты. Самому за гота брать его надо. Та-а-а!

— Конечно, — согласился Ленка. — Только ведь скамья счастью роина.

— Чего же ты ищешь, не возьму в толк?
— Чего? — Ленка поглядело затнулось пилпроток, задумался и вдруг поинял, что не смеюет ответить старуху. Бродя по краю такого не находилось... Но глядел он на Тимофея Сидоричева с чуть приметной ухмылкой, ровно тому не дано было поинять чего-то высшего, что хорошо понимал он сам. И мысленно говорил ему:

— Как ты, мотать, делашь? — Взявизу, Ленку, пожелет, око радом с тобой, а ты его черт те где попуту будешь отсыпашать.

— У меня скамья, Тимофей Сидоричев, как у нищего денег: всею жиюю подую, а в зарплатах все тоска одна.

— Не бойся, мыломо по себе оно вилта в руки не кинется, хоть ты плыть в обросты. Самому за гота брать его надо. Та-а-а!

— Конечно, — согласился Ленка. — Только ведь скамья счастью роина.

— Чего же ты ищешь, не возьму в толк?
— Чего? — Ленка поглядело затнулось пилпроток, задумался и вдруг поинял, что не смеюет ответить старуху. Бродя по краю такого не находилось... Но глядел он на Тимофея Сидоричева с чуть приметной ухмылкой, ровно тому не дано было поинять чего-то высшего, что хорошо понимал он сам. И мысленно говорил ему:

— Как ты, мотать, делашь? — Взявизу, Ленку, пожелет, око радом с тобой, а ты его черт те где попуту будешь отсыпашать.

— У меня скамья, Тимофей Сидоричев, как у нищего денег: всею жиюю подую, а в зарплатах все тоска одна.

— Не бойся, мыломо по себе оно вилта в руки не кинется, хоть ты плыть в обросты. Самому за гота брать его надо. Та-а-а!

— Конечно, — согласился Ленка. — Только ведь скамья счастью роина.

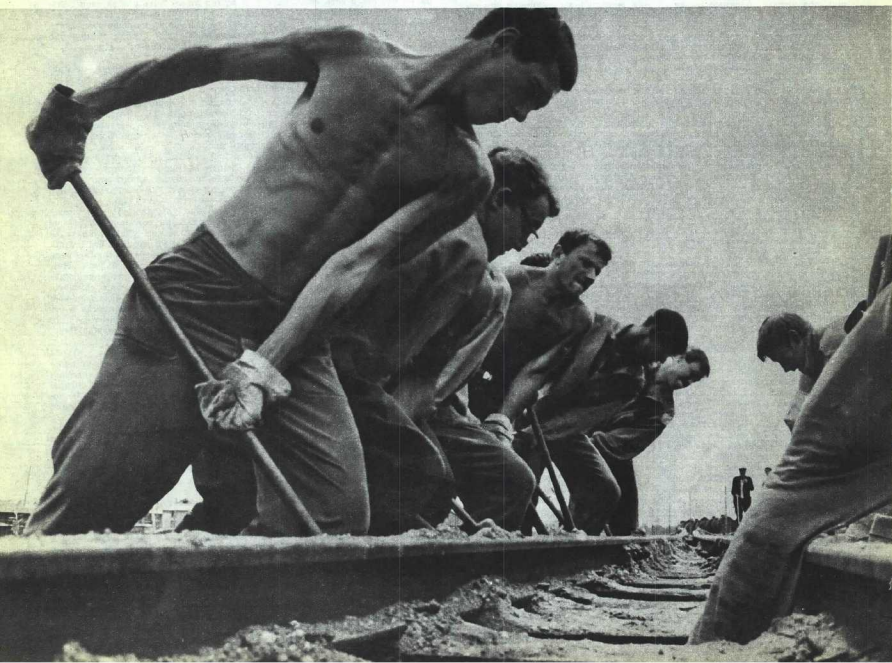
— Чего же ты ищешь, не возьму в толк?
— Чего? — Ленка поглядело затнулось пилпроток, задумался и вдруг поинял, что не смеюет ответить старуху. Бродя по краю такого не находилось... Но глядел он на Тимофея Сидоричева с чуть приметной ухмылкой, ровно тому не дано было поинять чего-то высшего, что хорошо понимал он сам. И мысленно говорил ему:

— Как ты, мотать, делашь? — Взявизу, Ленку, пожелет, око радом с тобой, а ты его черт те где попуту будешь отсыпашать.

— У меня скамья, Тимофей Сидоричев, как у нищего денег: всею жиюю подую, а в зарплатах все тоска одна.

СИБИРСКИЕ кани

А. БАРАНОВ
Фото В. МИШИНА

В Сибири все самое не-
обычное. Попробуй раз-
говориться с норвежским
сибиряком — и сразу на-
чинается: у нас самая
большая ГЭС, самый
большой алюминевый,
самый...

— Вы на Анчиси — Абалолово? —
спросили нас в крайнее комсомоль-
е. — Это самая трудная дорога. Поло-
вина трассы — по болотам. Ее строи-
тели было не легче, чем тем, кто
прошел от Абакана до Тайшета.

И вот мы едем по самой трудной
дороге на самой медленной поезде:
новая линия еще не сдана — нахо-
дится «во временной эксплуатации».
Можно спрыгнуть с подножки, войти
в тайгу, набрать полные горсти зем-
ляники. Потом обогнать свой поезд,
посмотреть, как забывают кусты в
шпалу. Самому взяться за кувалду...

Садимся дорогу — всех студентов
по трассе провезем. С ветерком. Они
это заслужили, — говорит начальник
строительно-монтажного поезда № 130
А. В. Бородавко, — по две, по три
нормы выполняют работы.

Студенты строят жилые дома, клу-
бы, детские сады и школы, больницы
и различные станционные здания. Но
основной объект — железная дорога.
Добровольным студенческим отрядам
предстоит полностью подготовить ли-
нию к пуску.

Задолго до приезда отрядов на
строительство дороги сюда прибыли
вахтовики. Они готовили работу ра-
бот, договаривались с ОРСом о про-
дуктах и покушках, подыскивали
жилища. Старались сделать все, чтобы
студенты жили «как дома». Но оказа-
лось, никто не считает, что без палаток
неинтересно. Рассказывали, что один
чужак даже отказался ехать в Сибирь,
ногда узнал, что в палатке жить не
придется.

...На станции Суриново работают
студенты Ленинградского аэротехни-
ческого института. Строят пангауз,
гостиницу, баню, готовят и пуску
12-километровый участок пути. Их от-
ряд — «Тайга». И школа, в которой
они разместились, рядом с тайгой.

«Школу атрентрировывать» — так
развили на первом собрании. И тепле-
нооплать стены, красят окна, двери,
потолки, штукатурят, моют. Не толь-
ко атрентрировывают здание, остав-
ляют Ленинградцы сибирским школьникам.
Они привезли для них и подарки —
оборудование для физического и хи-
мического кабинетов, хорошую би-
блиотеку, а для самых маленьких —
игрушки. Школа стала центром по-
селка. По вечерам сюда стекается вся
суриновская молодежь. После десяти-
часового рабочего дня студенты дают
концерты, читают лекции и еще ухит-
ряются выходить на футбольное поле
или баскетбольную площадку. В пяти
шагах от школы танцевальная веран-
да. Девочки собираются на танцы
дога и старательно. Как в Ленингра-
де. Только вместо духова приходится
пользоваться репудином: комаров
полно.

В одном отряде объявление: «Самое
мощное, самое действенное средство
против кровососов — дождь. Иногда
когда они исчезают». Объявление на-
писано на куске бересты. Как и мно-
гие другие объявления. А в отряде
«Зубрамок», обитаем Суриново, студен-
ты Белорусского политехнического
института выпускают на бересте
станую газету и еженедельные «Мо-
лния». Девочки из суриновской
бригады Валерия Филиппова ухит-
ряются даже шить из бересты. Они
такой головной убор они при-
оделали первому имениннику брига-
ды Игорю Тихомрову. Игорь шлут
принял и сразу же и чеповану —
сохранит для потомства.

— Наденьте — пришла бригада Ти-
хомрову.

Так и шлупе и сидел он за празд-
ничным столом. Протгивали свои
станки, произносили красивые тосты
и пили, не закусывая. За вечер вы-
пили 15 литров... виноградного соку.
Потому что есть устая и «сухой за-
мок». А накануне из соседнего отря-
да исключили парня. Купили ему би-
лет. Прочтаться не стали.

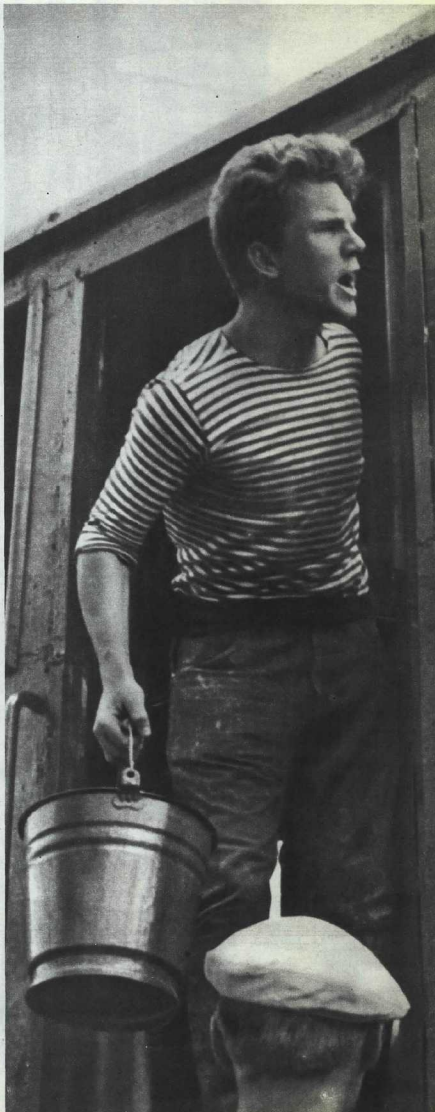
Ребята, я же только сто грам-

мов...
Не помогло. Уекал обратно.
Работа студентов многообразна. Вот
машинист мотовоза Александр Анна-

«Кругом тайга, одна тайга — и мы
посередине».

Главное — точка опоры.

Связать всех наверху!

культ

нов тревожно следит глазами за Ритон Солодовой. Рита перемиладывает сверкающие инструменты, покладывает над колесницей шприца. От этого метафизического свечения не по себе даже нам, здоровым.

— Идем, не будем рвать! — жалобно попросил машинист.

— Давно нужно лечить.

— Ну, ваши, Мисюхеры. А еще студенты называются.

В санитарной вагоне, в котором студенты-медики едут от станции к станции, всегда многолюдно. Чаще всего сюда приходит просто посидеть, поговорить, промассажировать спину газету — и не обязательно больные. Но больше всего гостей бывает у Риты. Особенно детей. Пронесся слух, что тетя-врач всех угощает конфетами. Вагон на каждой станции стоит три-четыре суток. Рита старается поддерживать репутацию «солнечного доктора».

— Попросила ребят написать на нартомте «Стоматолог принимает круглосуточно». А они написали «зубной врач». Там, говорят, помечен будет. А недавно пришла ко мне старушка и спрашивает: «Ты стоматолог или дантист? «Не все ли равно?» — отвечаю. «Нал не — все равно? Стоматолог, он по разряду выше. Слово про-рок над архангелом».

Завно за звеном. Одно, второе, десятое. Шпала. Костыли. Лопата и тимельный молот. Последний колышек называют серебряным. Его забивают

лучший. Только определять этого лучшего трудно, почти невозможно. В бригаде Филиппова назовут сразу 25 фамилий. Хотите по списку, хотите по старшинству, то есть по возрасту...

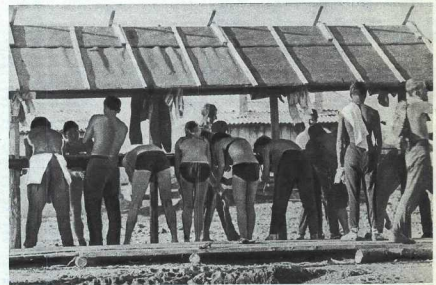
— Нет, так надежнее не забудешь. Всем чужим удар наноси, а не руками. Головой надо бить, а не силой. — уже появились свои инструкторы, свои чемпионы. У Филипповца это Сергей Барфоломеев. Спортсмен, хонкист. Силы на трюк хватит, он вне конкурса. Он бьет молотом и отпускает попутно шуточки:

— Предлагаю пари. Бью с четырех. Приз — цемполот.

— Отдай его мне без спора. Без танков разговоров помахать десять часов пятиминутковой кулачковой — слишком трудная задача. А добрый студенческий юмор весь день с ребятами. И еще лесна. В бригадизм ансамбль гитаристов донес Сергей Тепломный и Игорь Таскович. Подпевают им всей бригадой. Песни свои. Они сочинились в экспедициях, тулоходах, в студенческих общезиялах и на танках вот стройкам. Но во время работы много не попоешь. Трудно. Надо беречь дыхание для замка, для удара.

Бригада Валерия Княшторного вела водосливную траншею. Копали, чистили, укрепляли стоки железобетонными плитами. Работали — только земля летела. На три дня раньше сроча сдали километровый участок. По аккордному наряду получалась большая

«А нечистым трубочистам — стыд и срам, стыд и срам...»

«Соснуть бы минут шестистот...»

Только бы не по пальцам...

премия. И вот дождь. Грозовой, угрюмый, незаметный. Вымыл песок из-под плетя. И осталась вода на месте, а новая потекла, но совсем в другую сторону.

Стояли, хмурились.
— Даже с такой работой не справились. Инженеры.

— Будем переделывать.

— А за чей счет?

— За твой, если он у тебя есть. Переуругувались. И в глаза друг другу не смотрели. Вали Басканова, единственная девочка в бригаде, кинулась за лопату. Потом зашнуровали на морской земле недокурренные сигареты — и все сначала.

Через несколько дней вода бежала так, как положено по проекту и занаяная физики. — сверху вниз. На стволе некуда вкисать забытый потемневший планкат: «Быстро — еще не значит качественно».

— Могли бы и так слать, — рассудил кто-то из посторонних, — ведь им доверают, проверить бы никто не стал. А так — пять тысяч премиальных потеряли. Студенты-и!

Он считал в старом масштабе цен. Как всегда считают подобные арифметику. А никто не подсчитал, сколько ребят выиграло. Да и нужно ли подсчитывать?

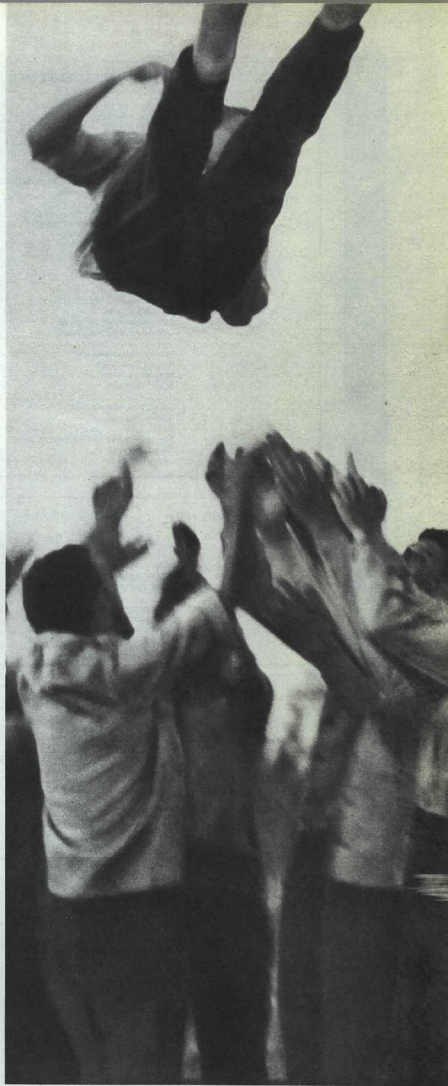
— Дальше работают пятьдесят человек из Ленинградского медицинского, потом студенты из Виски. Кубышева и так до самого конца трассы, до

275-го километра, где обросовались ленинградские ирабелы. 1 600 человек. У каждого свой участок, свои метры. У всех одна дорога.

В студенческом отряде ЦК ВЛКСМ висит карта Советского Союза. На ней разноцветные флажки. Они всюду: и по берегу Тихого океана, и Ледовитого, у Мурманска и Ташкента... Везде работают студенческие отряды. 400 вузов из 82 городов послали своих студентов на различные стройки страны. Около 200 тысяч студентов строит в этом году плотины, мосты, дороги, вудт линии элентропередач и нефтепроводов. За короткое время летних каникул студенты освоит свыше ста миллионов рублей капитальных вложений.

Цифры, дескать цифр, и все многозначные. Построит, салуд, введут. А что дает работа самим студентам? Самостоятельность, уверенность в себе и в своих товарищах, зрелость. Просто человек в таком отряде раскрывается полностью, становится прозрачным, чище. О популярности таких отрядов говорит нонус, который проити иногда труднее, чем попасть в институт. Пить — десять, а иногда и больше студентов претендуют на одно место в отряде. И каждому избавнику предъявляются серьезные требования. Но каждое лето возрастает количество отрядов, и все больше студентов отправляется в путь.

Аппетита не зажимать.

«Высокая» награда.

Твое отплытие

Остаюсь на речном причале.
Говорю обо всем, ни о чем.
От измучающей слов печали
Крикном чаек не отвлеchen.

Я и высказать не сумею,
Как с причала в начале дня
Всей сквозной снеговой своею
Волга рушится на меня.

Поднимаю в смелые руки —
Пусть с собой меня заберет
Бередающий мою задачу
Отплывающий пароход.

Раскрываются шире двери:
Музыка блудит.
Остаиваются звуки,
Останавливаются люди.

Что их заворочило!
Что их уколело!
Встало светлюю —
И вот светло.

Ушло все, что ложно,
Прочь, вспять!

Вот еще одна возможность
Помогать.

Эти руки забыть! Эти легкие руки.
Эти мягкие руки. Эти руки твои,
Как маэстро Шопена летящие звуки,
Как звенящие ветки фонтанной струи.

Эти руки прекрасны. Они нетелесны.
Их касанье, как утро, как движенье волн.
Но бывает — они, если надо, железны,
И они держат молнии, потому что сильны.

Эти руки — забота о брате и друге.
Эти руки — дороги в градские дни.
Как воспеть эти радость мушкетера руки,
Есть в мире единственные они.

Ты что там надумала! Что там наворожила!
Размолва, невведенье, ссора, два шага назад,
И все успокоенное снова разворошила,
И в неизвестность устреилена глаза.

Ты истомилась! Давай помолчим немного.
Дни, как песчинки, слепаются в гранит.
Это в тебе говорит прощанная дорога.
Это непрощанная говорит.

Душу не смею отдать людскому злословью.
Знаю, что тленье бывает дольше огня.
Я не могу над моею подняться любовью.
Потому что любовь моя выше меня.

Борис ПУЦЫЛО

Н. СТАРШИНОВУ

Давно оплаканы утраты,
За счастье плачено вдвойне.
Мои друзья и супостаты
Уж трезво судят обо мне.

И потому я добру у добрых
И верютрак в глазах сухих.
Вечерне набросавши мне облик
И наместе, последний штрих.

И светлый штрих меж сотни черных,
И тем разительно видной
Все то, что прятал у упорно,
Что сутью названо моею.

Нет горше истины суровой
Познать и сердцем и умом,
Что все в тебе давно на ново
И каждый шаг, твоей всем знаком.

В саду я, на лесной поляне
Ударит по глазам рассвет —
Ты в каждом чувстве постоеши,
А новым чувствам, места нет.

И память, все вокруг тревожа,
Слепятельным лучом скользит
По джун, где у никем не проинит
И сам собою не изжит.

И встретит некого упреком,
А криком изойти нет сил...
Так судишь о себе жестоко,
Как приеде о других судил.

По-прежнему близки утраты,
А боль и глубже и больше,
И ноту к юности вздрать,
И вечно возвращенье к ней.

Рисунки В. АРОНИНА

Сухая веточка рассвета
Горит над осыпью села.
Дарует нам, прощайся, лето
Избыток света и тепла.

И продолжительней свиданья,
И входит в душу, в сон и кровь,
Как верный признан удавданья,
Неутоленная любовь.

Всплывают медленно туманы,
Над лесом шелок вознесок.
Во всем и все ты постоеши,
Изменичива во всем и вся.

Незнакомым запахом самана
Улочки горбатые полены.
Вот луна выходит из тумана,
Ты такой же, видела луны.

Медленно ворочается в небе,
Радем грузно шевельнутся льды.
Вот луна почти зарпнул гребень
Самой близкой от меня горы.

Ахмет где-то эхо неземное,
Радом грузно шевельнутся льды.
Горда больше поде мною,
Как в тумане капельным дождь.

Отогнав подальше псов косматых,
Что лениво греются у огня,
Угощают горы-космонавты
Крепика чаем и халвой меня.

Звучит бесхитростно тайной
И женский смех и плечий свист.
Вот в волосах твоих случайно
Затупилась осенний лист.

Над лесом, над рекою стмылой
К невидимому рубенку
Уходит голос твоей:
Моей мильдой,
Я вся в росе, а вся дроню!

И все звучней, необходимой
Желание — услыть, обнять,
И до конца глаза любимой —
Как есть они сейчас — понять.

О земле расспрашивают долго,
Даже строгость а голосе слышна,
И порою не могу я толком
Рассказать, какая же она.

Словно руки матери, знакома,
Только что ни вспомню — всюду ты!
Слышу смех твой под навесом грома,
Вот несешь ты из лесу цветы.

Или нет — влюбился тычи пыли,
Сушь легла на весь степной простор,
И твои глаза, родная, были,
Словно дно осушенных озер.

И невыразимой тишиною
Вдалеке озвучены поля,
И земля немаленькая мною,
Без любви немаленькая земля.

На Нерли

Туча низкая, литая,
Как плита, лежит в реке.
Низко ласточек летают,
Пролетают удалеко.

Пёрлит. Будет ливень. Низко
Ласточек полет. Вода —
Текуче. Но гром так близок.
Туча, как плита, тверда.

Вот расколется. Из трещин
Зелень молнии упадет,
Тышина все гуще, резче,
Низко ласточек полет.

Среди дня — глубокий вечер,
И, свернувшись комом на агле,
Словно ласточкам навстречу,
Молния летит к земле.

Ветра поднялись,
Оседают снега.
Вина по Нерис
Плывет шуга.

Иссиня черен,
С золотом
Свертит ворон
На снежном ком.

Его привяты
Глуко версты.
А в небе просветы
Синь-синевы.

В эту синь
Башина летит,
«Завтра теплынь» —
В «Вечерки» летит.

Сият раски,
Как облака,
Винн по Нерис
Плывет шуга.

Земля чернеет на покое,
Шуршит опахавою листвою.
И тихо наполняет осень
Деревья блеклой синевой.

Все протупает зритель, прощю,
И вот — отрада всех отрад,
Когда у нас в России роши
По осени заговорят.

Чем меньше листьев, меньше шумя.
И выныто падают слоая
На пшвино, и на плес утрянной,
И на речные острова.

И все настоячивей и прощю,
Преодолевая листопад,
Плосот у нас в России роши
И говорят.

Еще позард:
Иные страны,
Обычки и берега.
Вот разноцветные туманы
Вошли до вечера в стога.

И сразу распахнулось поле,
На нем, стога, как облака,
Верхушки дальних колоколен
Выглядывают из-за леса.

Волнением горло перекато —
Ин крики, ин молбы, ин слом,
Так может быть перед знакомом
Безымяном, горло сопелюе.

А вот на радость малой плаже
Роса на блондочке цветет,
Вот, кино прощю, довави,
Меня лямоч толкнут легка.

Пройдут, шуга неосторожно,
И пазнет домом, и теплом,

И чмал-то смутным и тревожным,
С чмел в детстве не был в знаком.

И места нет в душе обиде,
И горе впрок.
И радость впрок,
Старухи, под конопю сидя,
Хлеб крупно режут на платок.

Мне говорит глаза их: «Кто ты!
Ты чей, сынок, куда же ты!»
Ой, сколько в их словах заботы,
Незамутненной доброты!

И свет в глаза,
И соль на щебе,
И речя просторна и легка,
И маворонен бьется в небо,
Как жилиха около виска.

И ветра волны голубые
Бегут, колосья теребя.
Я не умру в тебе, Россия.
Я только упаду в тебя.

«СМЕНА» № 8. «ПЕРВОЕ ЗНАКОМСТВО С ПОЭТОМ»

Мы любим читать на вечерах стихи молодых, открытых «Сменой». Спасибо за Бюллетень Левантиского.
Наташа КУЗНЕЦОВА, г. Кострома.

СМЕНА № 8. «ГОРЕЧЬ ПРОЦВЕТАНИЯ»

С чувством горечи и тревоги прочитала яростную статью С. Голлинова с обязательными фотографиями Ю. Абрамочкина — о столичной молодежи Штетины.

А. РОГАЧЕВА, Неверская область.

СМЕНА № 11. «ЛЮДИ ИДУТ ПО СВЕТУ»...

Меня очень заинтересовал репортаж Ю. Визбора. Я тоже люблю путешествовать, люблю туристские песни. Я знаю цену жизни, родной природе, миру прекрасному. Прощая все войны от Одессы и Сталинграда до Верхней Силезии. А теперь кажущийся отпуску куда-нибудь, уезжаю: на Кубань, на Волгу, в Крым, на Кавказ, в Карелию... Повсюду, повсюду в «Смене» тысячи туристских песен. И еще чаще публикуются такие живые материалы!

Р. СЕРИКОВ, г. Коминно, Ленинградская область.

Прочитал Ю. Визбора — хорошо! И вот что подумал: надо, чтобы наши туристские песни пела молодежь, а для этого нужны сборники с большими тиражами.

Надо, чтобы проблемой туризма вплотную занялся комсомолец. Надо, чтобы молодежь с местными «бродячниками» пошла в природу, природо-друзи, чтобы поучительная «сказка» таялась в ней простоте и силе. Надо, чтобы все молодежные издания, особенно «Смена» и «Комсомолец», больше внимания уделяли проблемам молодежного туризма.

Л. АРИСТОВ, г. И-Татино.

Разрешите высказать свое мнение. Живу в селе, работаю библиотекарем, очень люблю музыку. Вот уже несколько лет слушаю записываю «Смену», перечитываю каждый номер по несколько раз. Журнал стал как бы спутником моей жизни. Вы, наверно, не знаете, сколько с вами интересней и являть всегда очередной номер «Смены». Основное благодеяние нам за песни с нотами в каждом номере. Но, мне кажется, было бы не только с песней, но и узнать об авторах этих музыкальных произведений — о композиторах и поэте, увидеть их фотографии. Больше бы читайте песни лирико-патристического характера, таких, как песни А. Пахмутовой, Я. Френкеля, А. Островского, А. Бабаджаняна.

И. БОЙКО, Винницкая область.

СМЕНА № 13. «ИЗ НОВЫХ СТИХОВ»

Может быть, не мне судить о стихах Вл. Соколова, но все-таки хочу коротко высказать свое мнение, чем они мне понравились.

В стихотворении «Сенгир» есть строки:

Была ты в мысленном сияньи
И в кожном сияньи светлой

Коснощича — почти в каждом стихотворении. А к чему такая подобность — палитра кованная да еще и синее?

Вот еще два разных стихотворения:

Этих первых узнаю
Заморозков реч я.
Снег валится на склямо
На Замосворечье.

...Понимает он склямо
И Замосворечье.
Этих первых узнаю
Заморозков реч я.

Зачем эксплуатировать один и тот же, и тому же неудачный образ?

В. ШИНОВСКИЙ, Московская область.

РЕД, мы бы не стали о стихах талантливого поэта судить так поверхностно, но беря во внимание суть того, что в своей лирике выражает Вл. Соколов.

СМЕНА № 13. «АРТИКА»

Мы живем рядом с Арктикой, каждый день ощущаем ее дыхание, знаем «из лица» погоду с таким интересом мы прочитали стихи Петра Ветина, сравнили свои ощущения и мысли с ощущениями и мыслями поэта. Стихи эти будто бы родились в наших душах — там свои образы и точки. Арктика в стихах такая же какой мы ее привыкли видеть, — холодная, протравленная, но удивительно прекрасная. В Арктике нет места слабому, Хлопотливому, инстинкту Полярный труд — «негнотово комсомол» — сбавившая на материк. Стихи Петра Ветина стали для нас прекрасным. От имени всех сверили мы топорики поэту: «Большое спасибо!» Хотелось бы увидеть в «Смене» новые стихи этого поэта.

Ю. БЕДИН, А. КИЛМАЧЕВ, Г. БАНКОВ, В. ПЕРЕВОЗЧИКОВ, г. Мурманск.

ИЗВЕСТНО, ДЛЯ КОТОРОГО О АЛЕКС АРИДУМАЛ

«Вольфов» «Конечно, Вольфов», «Разумеется, Вольфов», «Пожалуй, Вольфов...», «Странный вопрос — безусловно, Вольфов», «Все-таки Вольфов...», «Видно, Вольфов». Близкий специалист, когда их полгоразд назвать сильнейшего советского баскетболиста.

Накануне открытия чемпионата Европы 1965 года известному французскому тренеру Роберту Боссу предельно была чужда идея, которая надлежала определить лучшего игрока турнира. Боссу же предложение пришло, но звали:

— Лучшего игрока я назвал уже сейчас: в Европе не было и нет баскетболиста сильнее, чем Геннадий Вольфов.

Но вопрос о том, как игрок издает команды профессионального американского баскетбола, тренер сборной США Джон Маклевлен от ответа:

— Так, как игрок ваш Вольфов.

Анатолий ПИНЧУК

Когда начинал спортсмен закатывать свою карьеру, о нем говорят легенды. В имя какой удар боксера нокутуют рующий, каждый ровок футболиста заканчивается голом, каждый удар волейболиста забивает блок. Завытыт, кто не играл в Николасе Королев, кому лубаево Касево-лово Бобров, кто не мог закрыть Константина Реву. В этих легендах не упоминаются поражения героев, и ни он всегда искусство, сильнее — в общем, лучше, чем был.

Придут годы, и на трибунах будут рассказывать легенды о Геннадии Вольфов. И тогда выслушат, что он умел делать все, что хотел, и все, что должен был делать, и что то, что делал, умел делать только он один.

Но время для легенд еще не пришло...

Он умел играть в защите, быть может, даже лучше, чем кто-то. Тренеры ставят в пример своим питомцам. Он знает точно остроумный пасом — не только тем, которыми выводят в проигрыш его, Вольфов, но и те, которые делают он сам. Не ведо игрок судят не по тому, что он умеет или знает, а по тому, что он делает. В защите же Вольфов редко играет с огонками, да и хитроумными пасами нечасто балует партнеров.

Откровенно недолюбливая силовою борьбу, он зарекомендовал себя ярким приверженцем чистого баскетбола. Когда техника пусует перед силой — а ведь случается и такое, — игра Вольвова блещет. Нет, нет, это не трусость, это — свойственный многим талантливым игрокам отрицание и грубой силе. Но ведь защита не причина, важно следствие...

Все это сказано, разумеется, не для того, чтобы при помощи некоторых отрицательных, кто ли, черт оживить образ положительного героя. В конце концов Вольфов не бог ни в чем. А человек, который уверенно мог бы делать все и все, не было, нет и, видимо, не будет никогда. Каждый из тех, кто столь сильно ответственен, кто так сильно не видит в его игре изъянов, ибо не видеть их может разве лишь профан, и тем не менее на осязании это обстоятельство не повлияло. А коли так, стало быть, есть у Вольвова что-то такое, что покорило самых эрудированных, самых тонких, самых проницательных центелей.

Вольфов — это атака. Как сравнительно с Вольфовым? Это задачу мучительно решали тренеры накануне матчей с ЦСКА и сборной СССР.

...Вольфов готовится к броску. Пусть попробуют повторить ему, пусть попробуют не подойти как можно ближе Невиской прыжок,

бросок — (в трех, а то и в четыре секунды из пяти) гол. Вольфов-снайпер безупречен!

Вольфов готовится к броску. Пусть попробуют поверить ему! Вольфов нырнет рядом с потопившимся помешать броску противником, нырнет справа или слева от него, сделает несколько огромных шагов и вызовется над корзиной. Вольфов-штурмовик безупречен в предвосхищающий ступень.

Как справится Вольфовым? Немецкие тренеры могли сказать по окончании матча, что эта проблема была решена.

Внешне баскетболе есть снайпер не менее искусные, чем Вольфов, есть асы, атакующие на броском поле не хуже, чем он. Есть у нас баскетболисты, которые умеют и то и сие. И хотя такое мастерство они показывают не в каждом своем матче, по праву считаются очень хорошими игроками. Но от очень хороших выдвигают еще отличнейшие, как раз тем, что он всегда делает, что другие делают лишь иногда.

За Вольфовым надо признать еще одно достоинство. Он эггегантен. Все, что Вольфов делает, он делает не только безупречно с точки зрения техники или тактики, он делает это красиво.

Вольфов — первый советский, первый европейский баскетболист, который забросил мяч в корзину двумя руками сверху. После него это начали делать многие. Но я не видел, чтобы кто-нибудь укладывал мяч в корзину так красиво и вместе с тем так естественно, как это делает Вольфов.

Матера его игры изысканна и непринужденна, движения его хрестоматично точны. Тренеры, работающие с детьми, должны учить своих питомцев дриблингу по-вольфовски, бросать мяч в корзину по-вольфовски, играть по-вольфовски. Но являюсь истинно, наверное, чужаком; чтобы быть таким, как Вольфов, надо родиться Вольфовым.

В США, на родине баскетбола, говорят, что если до двенадцати лет подросток не брал в руки мяч, он может его и не брать. Как бы талантливы мальчишка ни был, проку все равно будет мало: баскетбол не прощает пятилетнего опоздания.

Нет-нет, да и встретишь среди ребят такого, которому спорт ни к чему. Это обычно либо аутистичный суперлатинчик, которому его любование и недальние родители внушили презрительное отношение к спорту и спортсменам, либо немощный, либо пассивный и слабоумный о спорте несбыточности.

Но Гошка зубрилой не был, ника-

кой ерунды о спортсменстве ему в голову не бивали. Сильный, правда, он похвалится не мог. Как-никак, переболел чуть ли не всеми известными медицинскими болезнями, а том числе крупозным воспалением легких целых шесть лет. И даже чуть было не отправился на тот свет. Но из-за этого самых восхвалений (что было бы вовсе не удивительно), а из-за пустячного аппендицита: в первом послевоенном году «Скорая помощь» только называлась скорой, а госпитализация, не дождавшись машины, несколько километров тащила на себе своего семилетнего сына. Еще не было — и не послала бы. Врачи ей уже потом скажут, что у Генки заражение крови началось. Но и хиленьким он не был: в деревне, куда мать его на поправку поехала, не хуже местных пацанов Гогу перепрыгивал.

Робята, с которыми Генка учился, бредили спортом: в секции записывались, а едва из школы выскочили, начинали свой длинный, без таймов и перерывов матч, часами спорили, кто лучше играет — Вольфов или Краковский, а голосавы они соргались на встречах «Динамо» — «Спартак». А Геншке все это — Суега суега.

Не любил в спорт, и все тут! — говорит мне Геннадий и удивленно улыбаясь. Сам, видимо, не верит, что было время, когда он, Геннадий Вольфов, мог спокойно жить без спорта. Все его. Но тут же уточняет: — Просто не знал, что такое спорт...

Да, в семнадцатый лет он открыл для себя имманентно истинно, заключенную в то, что любить или не любить можно лишь то, что знаешь. Упрямый, но ничем не оправданный инглишизм был полоним на лопатки бескритичным полюбивством. Приятелем удалось-таки затянуть Генку на стадион. Он шел не на баскетбол, он шел посмотреть двух самых высоких людей Европы — Уайаса Атаева и Яниса Круминьша. Он шел посмотреть их, а увидел баскетбол. И с горечью подумал о том, как он был ленив, сколько времени потерял, зря, что хорошиш игроком ему уже не было, не стать, но тем не менее завтра же пойдя записываться в секцию: может быть, все-таки возмужает, достигнет у него год два метра.

...Это произошло 14 августа 1956 года во время матча 1 Спартакданья народов ЦСРК между баскетболистами Латвии и Казахстана. А три года спустя Вольфов уже был игроком ЦСКА и сборной СССР.

Он не первый его тренер и не единственный. Вольфов начинал не у него и работал не только с ним, но Вольфов говорит о нем, как о своем

первом и единственном тренере. Всегда важно не только то, что говорит человек, но и то, как он говорит.

Рассказывая о своем первом и единственном тренере, Вольфов не хотел обидеть остальных своих тренеров. Он просто воздавал должное тому, без которого он, по его собственным словам, не стал бы тем, кем он стал. В похвалах своему тренеру Вольфов, быть может, переборщил, почти наверняка переборщил. И это даже приятно, чертовски приятно, потому что Вольфов — человек в общем-то немногословный, сдержанный, а коли от сдержанности его не осталось и следа, стало быть, тому была причина. Право же, такое приувеличение не грех, грех — забыть или преувеличить то, что сделали тебе.

Не стоило всего этого говорить? Но так ли уж редки случаи, когда добившись чего-то, выйдя в люди, человек забывает своего учителя, своего первого помощника, первого друга, забывает того, кому он многим обязан?

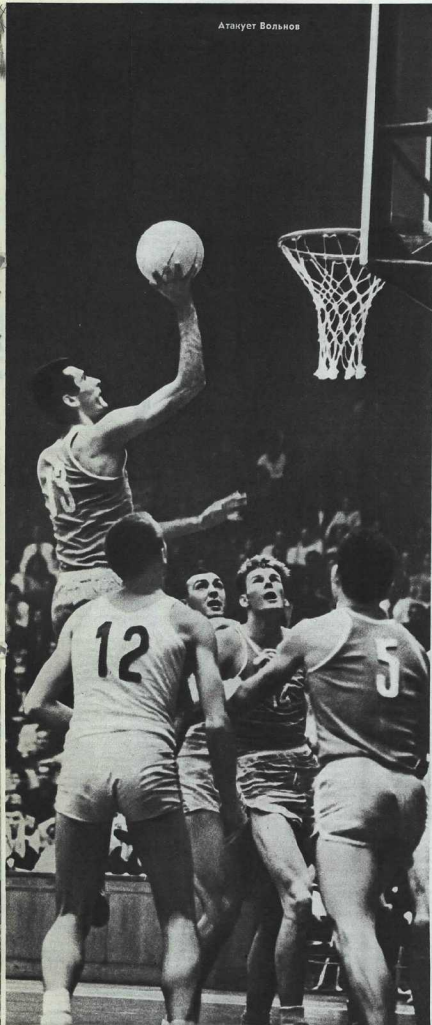
Виталия Михайловича Ярошевского удачно не называешь — он из тех, о которых говорят: «Хороший человек с плохим характером». Вспыльчивый, неуравновешенный, он обладает незаурядной способностью отталкивать от себя приятелей, а людей, относящихся к нему терпимо, превращает в своих недругов. По этой причине ему в жизни редко везет. А вот с Вольфовым повезло. Его ученик оказался не только большим спортсменом, но и настоящим человеком, для которого благодарность не эвклиново испасибо, забытов черт минутой. А ведь, наверное, и ему порой от Ярошевского ли за что ни про что доставалось. Ну что же, являюся молодец, если сумел запомнить то, что надо было запомнить, и забыть то, что надо было забыть!

Мы с Ярошевским познакомились в конце 1957 года. Он в то время работал с московским «Спартаксом», а я должен был написать очерк о его команде. Он мне тогда о Вольфово скажал:

— Запомните этого парня. Сейчас он не очень сильный центровой, а через пару лет будет лучшим неподдающимся центром.

Я, что называется, выжило не поверил Ярошевскому: голворный, экспансивный, он, certes, говоря, не произвел на меня серьезного впечатления.

Но год через три я сам к этому разговору вернулся и спросил у Ярошевского, почему он был так уверен в Вольфово. Истий кожанки (Ярошевский родом из Харькова, но больше походит на традиционного одессита), он ответил мне вопросом на вопрос:

— А ты что, каждый день мальчиков с такой фигурой на улице встречаешь? Нейсйт же специально для Вольнова баскетбол придумывал! Здесь я позволю себе сделать небольшое отступление. В 1961 году ленинградском «Буревестнике» на месте центрального дебютировал Леонид Иванов. Стройный, пропорционально сложенный, легкий, с мощными ногами — в общем его тоже можно было назвать рожденным для баскетбола. Иванову тогда было 17 лет. В этом возрасте Вольнов только узнал, что такое баскетбол, а Иванов уже играл несколько лет.

Я написал тогда об Иваново, что это будущая звезда, что через пару лет он превзойдет Вольнова. Прогноз мой не сбился. Иванов стал хорошим баскетболистом, даже очень хорошим, его и в сборную СССР не раз брали, но до Вольнова ему далеко.

А между тем я мог легко избежать ошибки. Мне следовало написать, что Иванов превзойдет Вольнова, если будет так же трудолюбив, как Вольнов.

В семнадцать лет Вольнов плохо бегал, еще хуже прыгал, быстро уставал. В общем, атлетом его можно было назвать лишь в наихудшем. Первая заповедь, которую он услышал от Ярошевского, гласила: «Баскетбол — это ноги». Вольнов жил на шестом этаже, Ярошевский запретил ему пользоваться лифтом.

— Говорю ему, а сам чувствую, вступую мой слона. Слышет он вроде бы внимательно, но зигзагами никакого.

Опасения Ярошевского были напрасны: Геннадий умеет слушать и не любит говорить. Раз надо — значит, надо. На первых порах, не торопясь, а потом бегом, через несколько ступенек, на шестой этаж — по три раза подряд, по десять раз в день. Зимой оба — тренер и ученик — проходили в Лужники и, изувалы проходящих, бежали по глубокому снегу. Тренер уставал, останавливался отдохнуть, а Вольнов все бежал и бежал.

«Спартак» в том чемпионате был не то сорерничком, который легко мог оказаться аутсайдером, не то аутсайдером, который вот-вот прольвет в середчинки. Ребята атаковали Ярошевского: «Виталий Михайльч, перестанте Гешку в состав ставить!» А он отказывался и упрямно ставил. И на бросок из-под щита не натакивал, как тогда многие с великанами работали (он боялся, боялся парня загубить). Значит чемпионскому дриблингу, вон ведь Круминш — никого там дриблинга, а без двадцати, а то и двадцати пяти очков с площадки не уходит. А он Вольнова дриблингом загонял.

Вольнов: «Я тогда за игру если давал очко шесть, еще хорошо было. Ребята злились, но молчали. Я знал, что злились, и знала почему молчали: им Виталий Михайлович запретил говорить мне что-нибудь, кроме «Молодец, Гешка! Все в порядке!». А какой я молодец и какое там все в порядке! Студно было, хоть свежая земля провалится: из-за меня из класса «А» вылетели...»

«Ну что особенного сделал Ярошевский? Поверьте, Вольнов и без него стал бы большим игроком!» Это не предполагаемая реплика, нечто подобное мне приходилось слышать. Давайте-ка попытаемся разобраться, в каких случаях и за что должно благодарить тренера. Какое-то досужий остроумие соорудил даже афоризм, которым шпыняют тренеров, под чьим руководством чемпионы давал когда-то свои первые ша-

ги: «Дайте мне великого спортсмена, и я стану гениальным тренером!»

Итак, вариант первый. Тренер взял незадачного, неспособного, нетрудолюбивого и бесперспективного парнишку и кропотливо (до пяти-четыре) года довел его до чемпиона (рекордсмена). Такой тренер достоин почестей. Но ведь абсурдность ситуации очевидна: для всех кажется, даже для халтурщиков от спортивной литературы.

Вариант второй. К тренеру попадают подростки, но юноши оказываются с большими, чем предполагалось, задатками. спрашивается: как должен делить и чего не должен, дабы набекать в дальнейшем разгоревся огонь, что его ученик всего добьется бы и сам?

Я знаю одного редактора, который внепренемно должен выпрывать на каждой странице, хотя бы по два-три слова (исключения он, наверное, и сделал бы ни для Лермонтова, ни для Чехова). В противном случае он считает, что работник не выдержит и что зарплату он получает зря. У него, к сожалению, ни один рабочий день не пропал, что же до зарплат — но я, кажется, отвлекся... Конечно же, не все происходящее с своим питомцем, не уподобится этому редактору. Он поможет, подскажет, покажет, а главное, не будет мешать.

Ярошевский помогал, подкашивал, показывал и не мешал. Спасибо ему за это. И еще спасибо ему за то, что Вольнов не вправдал Геннадия Вольнова.

Изыщный прием, который полюбил неблагозвучное название — бросок в прыжке, не прыжок, не прыжок, бросил лет десять назад. Преимущество его над предшественником — броском из статических положений — очевидно. В подавляющем большинстве баскетболисты (и наши и зарубежные) стараются перед таким броском прыгнуть как можно выше. Вольнов же, хот прыгнул, даскак, хот оттолкнется от пола и тотчас рвется с мячом. Неужто он не понимает, что чем выше прыжок, тем труднее его накрыть!

— Понимать, конечно. Но я вот о чем думал, когда осмалвал этот бросок. Во-первых, я ростом не мал, и при бросках издалека мне не обязательно подниматься на максимальную высоту: закрыть меня все равно трудно. Во-вторых, для того, чтобы прыгнуть высоко, надо чуть-чуть прыгнуть и следовательно выдать свои намерения противнику. Прыгая же на почти прямых ногах, я выигрываю несколько десятых секунды. В-третьих, подпрыгиваю, сколько раз приходится прыгать в значительной игроку моего роста — и при борьбе у обок щитов и при бросках.

Вольнов подумал, что я неверно понял его.

— Это я не к тому, что мне себя жалко. Такие броски лучше всего совершал бы автомат: прыгнул — под мяч — бросил, прыгнул — передал — бросил. Значит, надо стараться быть похожим на автомат, который никогда не устает.

Он неправильно истолковал мое удивление. Созанось, я не удержался и спросил у Ярошевского, не он ли объяснил Вольнову преимущество всех этих во-первых, во-вторых и в-третьих.

— Нет, он сам до всего додумался.

Один из очевидцев финального матча олимпийской Олимпиады, числяся причиной поражения сборной СССР, с возмущением сказал:

— Как могли наши выиграть, если сами не верили в победу! За две

до матча Вольнов говорил, что американцы им не победят...

Я спросил у него: — А как играл Вольнов с американцами — в полную силу или отбавляя номер? По его словам, Вольнов играл старательно, с душой.

Можно восторгаться тем, что в двадцатидесять лет, теоретически обреченный на провал, Вольнов оказался не по возрасту мудрым. Можно возмущаться тем, что накануне ответственного матча 25-летний мастер не верил в возможность победы своей команды, и удивлялся тому, что днем позже отдал все свои силы для достижения победы, в которую он верил. Но ведь это не сказать, что все эти поступки — следствия одной причины.

Рационализм, прагматизм — трудно сказать, обогатили или обеднили оного Вольнова. Он как-то сказал мне (так говорят о давню решенном), что больше всего ценит хороший пас, затем защиту и только потом гол. Так почему же, решившие однажды все, он стал громогласнее атаку и не стал мастером паса, мастером защиты? А на мог бы при желании стать и тем и другим — в баскетболе нет ничего невозможного для этого талантливого и трудолюбивого спортсмена. Причина — все то же рационализм.

Многие годы он играл вместе с другим великим баскетболистом, Арменом Аланчяном, кудесником паса. Вольнов не мог не понимать, как стоит такой мастер, как Аланчян. Но он, Вольнов, знал, что Аланчян частично ругают за два недостатка паса, забывая позавидать за тридцать очков; и знал, что чужды для каждого второй мяч, заброшенный в неприятельскую корзину, заброшен благодаря Аланчяну, и знал, что позавидать за это не Аланчяну, а тому, кто забросил мяч, и знал, что Аланчяна после каждого матча корили тем, что он опять набрал много очков.

Вольнов знает себе цену, он знает, как трудно заработать его, Вольнова. И потому он не может не отдавать должного Гудвару Муlijnиэну. Не чести матчей, чтобы он, Геннадий Вольнов, был побежден рюкским армейцем. Но Вольнов-то знает, почему Муlijnиэна ни разу в сборную СССР не брали: рюкским, который в атаке хорош, редко набирал помногу очков.

И рационалистичнейший из игроков знает, что, если в каждом матче наберет двадцать очков, он будет хорош, если наберет тридцать, будет превосходить. И никто не потребует от него паса, никто не посягнет угрызнуть за то, что зашел он и не играл ту же, чем может играть.

Если человек сознает, что содеянное им принесет пользу, но для того, чтобы сделать это, необходимо мужество, а у него его не хватает, он достоин порицания. Но мне почему-то не хочется корить Вольнова. И потому он иногда не тощит о нем, и то, что не требовал от него паса и не упрекнул за игру в защите. А главным образом потому, что замечаю быт Вольнова — убежденный и сам болезненно переживает слышавшиеся.

Сейчас, когда ему осталось играть меньше, чем он играл, он не может не задуматься над тем, что обещано он не только баскетболу, но и самому себе.

Вот и все о том, что такой Геннадий Вольнов, как он не стал и почему он стал таим, и не иным.

Последняя фотография генерала Владимира Зимова.

ВОСПОМНЕНИЯ

Г. ГОЧЕВ

1942 год. Болгария. Единственная в фашистском военном лагере страна, которая все еще сохраняет нейтралитет и поддерживает дипломатические отношения с Советским Союзом. Страна становится ареной сложнейшей и драматичнейшей тайной войны.

Вашингт везут в януку и закулисную кампанию, чтобы атаковать Болгарию в войну с Советским Союзом. Но тишина: все мирно, буквально весь мир — против! Не помогают ни угрозы, ни лести, ни хитрости, ни широчайшая обработка, ни последние провокации оберкового резидента на Балканах — «агента» Отто Делууса. Кетати, «агрокот» Делуусу до сих пор благодарствен в ФРГ на правах добровольнопринятого коммерсанта. Но его архив, который он, списавшись от наступившей Советской Армии, не успел прихватить с собой, вероятно был спущен старым болгарским коммунистом генералом Г. Гочевым. На основе этих материалов Г. Гочев написал документальную книгу «Бюро агента Делууса», отрывок из которой мы публикуем в сокращенном виде.

Этот отрывок посвящен одной из самых гнусных гитлеровских «кажд» в Болгарии — уничтожению являющегося инфильтрации и патриота генерала артиллерии Владимира Зимова.

Фамилия Зимовых пользуется ни родине огромной популярностью и уважением. Отец генерала Стоян Зимов, соратник Василь Левского и Христо Ботева, писатель, публицист, педагог, один из руководителей всемирной борьбы против гурского рабства, известен еще и как создатель памятников и музеев в честь русских братьев-освободителей.

Вашингт Зимов был ростовым самым своим замечательным отцом. Его отличала честная, мужественная прямота Участник трех войн, он никогда не скрывал своей ненависти к милитаризму, своим республиканским убеждениям, своей любви к России. В 1925 году он пытался переехать в установленные открытой фашистской диктатурой, был брошен в тюрьму, но прямых улов против него не нашлось, и Зимов был уволен в запас.

Тогда он создал торговую фирму «Славичини», и, прикрываясь положением «бизнесмена», посетил многие страны Европы (Югославия, Чехословакия, Польшу и др.), участвуя в создании центров Сопротивления и организации их связи с Москвой.

В этом сложном механизме связи генерал Зимов был одним из очень важных звеньев. Через него чехословацким патриотам переправлялись директивы, материалы, лекарства и оружие. Когда стало ясно, что нацисты во что бы то ни стало «убьют» популярного генерала — открытого врага фашизма, находившийся в тюрьме руководитель Центральной военной комиссии при ЦК Болгарской компартии Цветко Рабочков передал Зимова просьбу Георгия Димитрова укрыться в Советском Союзе. Зимов был на легальном положении, каждый шаг его подвергался слежке, каждую минуту он рисковал жизнью. Рабочков сообщал, что в распоряжение Зимова предоставлен самолет, но Зимов отказался им воспользоваться. «Клиенты уходят с корабля последние!» — сказал он Рабочкову. — А в все-таки генерал Да и корабля наш не тонет...»

В народной Болгарии его именем назвали завод в Плевне, один из самых прекрасных жилых комплексов Софии, улицы, площади, фабрики, школы в десятках городов страны. Болгария умеет чтить память своих национальных героев.

В феврале 1942 года в Словении гестапо арестовало Генриха Фохену и Ганса Шаарца. Это были активные деятели коммунистической партии. Они прибыли в Будапешт, чтобы там легализоваться и создать большую разведывательную группу.

В близкой Братиславе с помощью друзей-подпольщиков, одного из Сопротивления Шаарц установил радиостанцию и наладил постоянную связь с Красной Армией. Словенские патриоты, жившие в организации, сумели организовать небольшую фабрику Нобеля и получать оттуда алюминий для организации диверсий. Группа Шаарца закрывалась в свои ряды многих илланзондоронских рабочих, она уничтожила танковые, товарные вагоны, разрушила пути, турбины под откос гитлеровские эшелоны.

Был подготовлен взрыв беглеца, но гестапо арестовало Фохену в начале большой диверсионной акции в разных районах Словении. Но из-за какой-то ошيبки в механизме взрыва взрыва не последовало.

Вслед за этой неудачей группу Шаарца постигла та же участь: из строя лампы радиоприемника. Подпольщики потеряли связь с центром. Осталась единственная возможность

вступить в прямой контакт с Москвой: использовать связи в Болгарии. 28 декабря Шаарц обратился к своему жене в Софии с фальшивым болгарским паспортом. Он должен был встретиться с генералом Зимоным, а через него — с советскими друзьями. В радиостанции, подробными инструкциями, передавал адресную информацию, а также задание, она вернулась в Словению. Шаарц вернулся 1. 19. 29. 30 марта 1942 года.

В руки гестаповцев попали такие образцы, внешнешие сведения. Надо было задержать успех. Исполнение задания было возложено на руководителя отделения гестапо в городе Врно Нюловскому.

Молодежный телеграфировал в Софию, что для раскрытия связи генерала Зимова с советской разведкой нуждается опытный полицейский сотрудник. «Адрес № 4407»

В Вроне отправился и Зимонов доктор. Дверь открыла его дочь. Гость обратился к ней по-французски, но девушка не могла ответить ни слова на этом языке. Она неслышимо перешла к соседке, которая примерно через час пришла сама Зимонов.

«Добрый день, господа», — поклонился ей Фохену. Я пришел вас привет от Нарона Гитхильди. В Вроне это, все время внимательно смотрел на нее.

«Извините» — Зимова удивленно посмотрел на Фохену, видя, что результаты адрес. Я не имел чести знать господа Нарона Гитхильди.

Видя, что гость продолжает стоять, она любезно пригласила его сесть и по болгарскому обычаю предложила сигареты и конфеты.

«Мне бы хотелось пригласить и вас!» — сказал Фохену.

«Нет в Словении, господа», — ответил Фохену.

«Нам бы хотелось окупированной немцами страны... Тем более, что вы знаете, наш немцам отнесется и слава!»

«Да... согласился Зимонов... это — большое несчастье слыши, что в течение целых веков они были раздвинуты и в настоящее время их объединяющая сила! Если бы они были вместе, они могли бы нести и славу Европы!»

«Увы, господа, все это совсем не просто. Гость так искренне, так тепло говорил, что всегда была тайной разговора в их семье. Впоследствии Зимонов узнал, что слышал и этому человеку.

В ДОМЕ

Клиффорд
САЙМАК

ФАНТАСТИЧЕСКИЙ РАССКАЗ

Когда старый Моисе Абрамс бродил по лесу, размытая дорога не мешала ему двигаться. Моисе не знал, что это пришло. Он погнался лишь, что существо или существование страдало. С тех пор Моисе, несмотря на все расхищения со стороны, был не из тех, кто может поинтересоваться в лесу раненого.

Но вид это было ужасное создание — зеленое, блестящее, с фиолетовыми пятнами, и оно излучало ощущение даже на расстоянии двадцати футов.

Оно залепило или, вернее, пыталось залепить в заросли орешника. Верхняя часть его находилась в кустах, а туловище, ничем не прикрытое, лежало на поляне. Его конечности в этот момент времени слегка серебрили по земле, стараясь подтянуть тело поближе к кустам. И оно стояло, как не очень громко — точь-вточь, как одинокий актер, тоскливо воющий под широким канарисом. Однако в его шкуре сплещалась нечто большее, чем вой зимнего ветра; в нем звучало такое отчаяние и страх, что у старого Моисе волосы стали дыбом.

Старый Моисе довольно долго размышлял над тем, что ему делать с существом, а потом еще какое-то время набирался храбрости, хотя, много, не задумываясь, признавал бы, что храбрости у него было хоть отбавляй. Но тут икота была храбрости безразлична. Моисе приблизился к раненому существу и опустился рядом с ним на колени. Хотел посмотреть на существо было тупо, и в его отталкивающей безобразии таилось некоторое нечеловеческое обаяние — слово оно притягивало и себе именно потому, что было настолько отталкивающим. И от него исходило совершенно ужасное, ни с чем не сравнимое зловоние.

Однако Моисе не был невменяем. С тех пор как оноло десяти лет назад умерла его жена, он жил в полном одиночестве на своей заповедной ферме, и его методы ведения хозяйства служили пищей для зловония орешника и тумана. Раз в год, если у него доходил гуano, он выгребал на поляне горы мусора, но остальное время ни к чему не притрагивался.

Потому исходящий от существа запах смутил его меньше, чем того можно было ожидать. Но зато Моисе смутил вид существа, и он не сразу решился прикоснуться к нему, а когда, сорвавшись наконец с духом, сделал это, то очень удивился. Он ожидал, что существо окажется либо холодным, либо скользким, а может быть, и тем и другим одновременно. Но он ошибся. Оно было на ощупь теплым, твердым и чистым — Моисе только прикоснулся и залепил себе пальцы.

Преслушав под раненого рожу он осторожно вытяти его из зарослей орешника и перевернул на спину, чтобы взглянуть на его лицо. Лица у него не было. Верхняя часть туловища некачественно излучала, как бы светилась, и существо вросло не было стелблем, а вокруг этого утолщения росла бахрома щупалец, которые извивались, точно змеи, в конической бане. И тут-то Моисе чуть было не повернулся и не бросился бежать.

Он не выдержал. Страх снова его и вызвал приток тошноты, а когда ему почувствовалось, что какой-либо вид издает черан, стало еще страшнее.

Моисе был упрям. Только упрямый человек мог тут же таную жалкую ферму, Упрямый и не только потому раздумший. Но, конечно, ни и страдающего именованного существо.

Наконец, перекинув себя, он поднял существо на руки, и в этом не было ничего особенного, потому что оно весило мало. Маленькое, как трехмесячный поросенок, существо Моисе.

Существо теперь несколько успокоилось и вышло значительно тише. И хотя Моисе не был в этом уверен, иногда ему казалось, будто оно принимает к нему, как принимает и взрослому испуганным и голодным ребенком. Старый Моисе вышел и построил на немного постов во дворе, собрался, куда ему отвести существо — в дом или в сарай. Ясно, что сарай был самым подходящим для него местом, ведь существо не было человеком — даже в собрав, или пошло, или больше человека, но больше человеческого, чем в нем.

Однако любилась Моисе не долго. Он внес его в дом и положил в кухне около плиты на то подобие ложа, которое он называл кроватью. Он аккуратно и бережно распрямил существо, накрыл его грязным одеялом и, подойдя к плите, принялся раздувать огонь.

Потом он придвинул и кровати стул и стал пристально, с глубоким интересом разглядывать свою находку. Существо уже почти совсем утихло и не казалось гораздо спойоннее, чем в лесу. Моисе с такой нежностью поглядывал его со всех сторон одеялом, что и сам удивился. Ему захотелось узнать, каково на его пропалось горло бы существо в пищу. Но если бы он и знал это, то все равно ни само бы поинтересоваться, так как у того, видимо, не было рта.

— Но тебе не о чем беспокоиться, — сказал он. — Раз уж я принес тебя в дом, все будет в порядке. Хотя я и не больно-то в этом разбираюсь, но все, что мне по силам, я для тебя сделаю.

Дени уже клонился и вычеру, и, выгнувшись в дачку, искрал, вернулся домой сам.

— Мне нужно походить ночью и если но-что сделать по хозяйству, — сказал он существо, лежащему на кровати, — но это не долго. Я скоро приду.

Старый Моисе подобрался к плите дрова, чтобы в кухне было тепло, еще раз заботливо подогнул одеяло, взял ведро для молока и пошел в сарай. Он покормил себя свежей и ложкой молока и коров. Собрал яйца и запер курятник. Начал бак воды.

Он вернулся в дом.

Моисе взглянул на лежащее в постели существо. Сужая его в виду, оно вроде бы находилось в прежнем состоянии. Будь это больное животное или животное. Моисе сразу самовнушил бы, хуже ему или лучше, но это существо было совсем иным. Тут он был бесстрашен.

Он пристально следил немудреный уны, поел и опять задался над тем, как бы поинтересоваться существом. И как ему помочь? Он принес его в дом, согрел его, но это ли было нужно такому существу, или, следовательно, сделать для него что-то другое? Он не знал.

Моисе подумал было, не обратиться ли и кому-нибудь за помощью, но от одной мысли, что придет кто-то к помощи, даже не знал, в чем она должна заключаться, ему стало тошно. Это он представлял себе, какое было бы ему самому, если бы, измученный и больной, он очутился в неведомом, далеким краю и никто не мог бы ему помочь из-за того, что там не знали бы, что он такое.

Это заставило его наконец решиться, и он отправился в телефоню. Но кто ему следует вызвать — доктора или ветеринара? Он остановился на докторе, потому что существо находилось в доме. Если бы оно лежало в сарае, Моисе позвонил бы ветеринару.

Это была местная телефонная линия, и слышимости нигде не годилась, а поскольку и тому же сам Моисе был глуховат, он пользовался телефоном довольно редко. Временами он говорил себе, что телефон не лучше других новшеств, которые только портят людям жизнь, и думал разговаривать выбросить его. Но теперь он был рад, что не сделал этого.

Телефонистка соединила его с доктором Бенсоном, и оба они не о чем-то хорошо слышали друг друга, но в результате Моисе всетан Удалось объяснить доктору, что звонит и что ему нужна его помощь, и доктор обещал приехать.

С некоторым облегчением Моисе повесил трубку и постел на немного просто так, ничего не делая, куда держат путь, но было совершенно очевидно, что тот, на кровати, был каким-то чудотворением, прибывшим из очень далеких мест. И сразу подсказывал, что тыма, как он, может быть несложно, ведь в дальние дороге орешник и любой человек или любое другое живое существо — предпочтут существовать в нем.

Моисе снял с кровати фонарь и, таяло ступая, вышел за дверь. Он спустился по тропинке и в лесу. Продвигаясь сквозь истарник и высокие подивы фонаря, чтобы осветить площадь выходящую, Моисе оглядел то место, где находилось существо, но там ничего не оказалось.

Однако он нашел нечто другое — нечто вроде огромной лупчей икеты, сплетенной из тонких металлических прутьев. Икента закружилась в густом кусте орешника, и Моисе попытался выхватить ее, но она не сдвинулась с места.

Он попытался выхватить, откуда она попала сюда. Ему удалось разглядеть наверху слышащие ветви деревьев, а над ними в вышине холодно сияла звезда.

Моисе ни на минуту не усомнился в том, что существо, лежащее сейчас на его постели, было плитой, явившей сюда в этом неведомом плетеном сооружении. Он невольно подивился, но не стал пытаться выхватить ее, ведь все эта история оказалась настолько сверхъестественной, что он со-

Но сейчас, когда она засохла, что, видимо, починить иклетку невозможно, он почувствовал, что очень злую руку.

Теперь существо придется остаться с ним, и ему будет с ним разговаривать, а в его доме больше не станет так одиноко. Как было бы чудесно, подумал он, снова иметь кого-то рядом. А это существо было почти таким же хорошим товарищем, как Тоусер.

На следующее утро, когда Мозе готовил завтрак, он потянулся на верхнюю полку бюджета за овсянкой, задел рукой корзинку из-под сигар, и она полетела на пол. Корзинка упала набок, крышка расклатлась, и доллары раскатились по всей кухне.

Уголок газа Мозе заметил, как существо инстинктивно за одним из них в погоне. Скатывая монету и не выпуская ее, оно повернулось и Мозе, и нанов-то черевя на его макушке послышалось из клубя дребезжание.

Оно нагнулось, сгребло еще несколько монет и, приняв их к себе, исполнило нечто вроде джонги, и сердце Мозе упало, когда до него вдруг дошло, что существо настояще искало именно серебро.

И Мозе отступил на четвереньки и помог существу собрать остальные доллары. Оно сложив их обратно в корзинку из-под сигар, и Мозе, взяв корзинку, отдал ее существу.

Оно приняло корзинку, высматривало в нее доллары на стол и разложил их аккуратно столбиком: оно, и Мозе видел, что оно было глубоко разочаровано.

Существо явно давало понять, что ему нужны еще монеты. Вот стоило столбиком, покосило оно, и наверх столбик должен быть вот такой высоты.

Мозе слышал громом скрепит. Он подумал о тех остальных долларах, которыми был набит железный котелок, спрятанный под полом в гостиной, — это единственное, что у него оставалось, если не считать существа. И если он отдал доллары, существо получит возможность починить иклетку и тебе покинет его.

Но это и никак не мог бы тебе сказать, — сказал старый Мозе. — Я ведь сказал все, что только может онидать одно живое существо от другого, нем бы оно ни было. Я назвал тебя я нессу, согрел тебя и дал тебе иров. Я старался помочь тебе, а когда у меня с этим ничего не получалось, я по крайней мере защитил тебя от всех этих людей, и я и вырвал тебя, когда ты встал, начал рваться. Пустьими ты мешешь, что я буду давать тебе добро вечной!

Он это ни и чему не привнес.

Мозе встал из-за стола и пошел в гостиную, а существо двинулось следом за ним. Мозе подождал, вытятили существо, и существо, увидев его свернутое, обрвалось.

Оно отнесся монету в гараж, и Мозе, развудя в горне огонь, поставил на него котелок и начал пастись. Эти с там, что в гостиную делала дети.

Временами ему казалось, что он не в гостиной,

довести эту работу до конца, но он все-таки справился с ней.

Существо вынуло из иклетки корзинку, поставило ее рядом с горном, зачерпнуло железным ложком расплавленное серебро и стало лить его в членики корзинки, осторожно придавая серебро молотком нужную форму.

На это ушло много времени, потому что работа требовала большой точности, но в конце концов все было сделано, а серебра почти не осталось. Существо вынесло корзинку в иклетку и укрепило ее на место.

Уже вечером, и Мозе пришлось уйти, чтобы заняться нем-наним хозяйственными делами. Он был почти уверен, что существо вытяти из гаража иклетку и что, когда он вернется домой, он его уже там не застанет. И Мозе старался разместить в себе чувство обиды за его эгоизм — ведь существо только брало, не думая ничем отплатить ему и, насколько он мог судить, даже не пытался поблагодарить его. Но, несмотря на все свои усилия, он так и не обиделся.

Выйдя из гаража с двумя ведрами молока, он увидел, что существо ждет его. Оно подбежало за ним в дом и все время дерикалось поблизости, и Мозе пытался беседовать с ним. Но душа его не лежала к разговору. Он ни на минуту не мог забыть, что существо уйдет от него, и радость общения с ним была отравлена ужасом перед грядущим одиночеством.

В эту ночь, когда он лежал в постели, на него нахлынули удивительные мысли: он представил себе другое одиночество, еще более странное, чем то, которое он когда-либо зналал на этой заброшенной ферме: умасное, бесцельное одиночество тру-менезвездных пустынь, где существо, которое оно, что ищет во вселивной икон-то место или живое существо, и хотя их туманные образы лишь едва вырисовываются в сознании, они обязательно найдут то, к чему стремятся, и это самое важное.

Никогда ему не приходило в голову такая странная мысль, и внезапно он понял, что это вовсе не его мысли, а того, другого, что был с ним рядом в комнате.

Напрягал все свою волю, он попытался встать, но не смог. На мгновение он приподнял голову, но тут же уронил ее обратно на подушку и крепко заснул.

На следующее утро, когда Мозе позавтракал, оба они пошли в гараж и вытятили во двор иклетку. И это таинственное незримое содружество стол-то там в холодном и ярком свете зари. Существо подошло и иклетку и начало было протискиваться между двумя путями, но, остановившись на полу, вытятило обратно и подошло к старому Мозе.

— Прощай, друг, — сказал Мозе. — Я буду скучать по тебе.

У него как-то странно зашипило глаза.

Существо протянуло ему конечности, и схватило его. Мозе почувствовал, что в ней был звать какой-то предмет, нечто круглое и гладкое, переходящее затем в руку Мозе.

Быстро подняв и иклетку, существо проскользнуло между путями. Оно потянулось и корзинке, внезапно что-то вспыхнуло, и иклетка исчезла.

Мозе одиноко стоял на заднем дворе, установившись на место, где уже не было иклетки, и вспоминал — прошлой ночью, лежа в постели.

Должно быть, существо уже там, в черном, безлюдном одиночестве межзвездных далей, где оно снова ищет какое-то место, или вещь, или живое существо, которое не дамо постичь человеческому разуму.

Мозе медленно повернулся, чтобы захватить из дому ведро и пойти обратно в гараж дить коров. Тут он вспомнил о предмете, который держал в руке. И поднял и иклетку все же крепко стиснутой рукой. Он развинул палачи — на его ладони лежал маленький дымящийся шарик, точно такой же, как тот, что он нашел в складке-нармане покоренного им в саду существа. С той только разницей, что первый шарик был мертвым и матовым, а в этом мерцали мимой отблеск далекого огня.

Глядя на него, Мозе ощутил в душе такое необыкновенное счастье и покой, какое ему редко случалось испытывать раньше — словно его окружало множество счастья и все они были друзьями.

Он принялся шарить рукой, а счастье не удержало — и это было совершенно непонятно, ведь ничем нельзя было объяснить, почему он счастлив. Существо в конце концов покинуло его, все его мечты пропали, и у него не было друзей, но, несмотря ни на что, ему было хорошо и радостно.

Он положил шарик в нарман и проворно зашагал к дому за ведрами для молока. Словно тубочной заросшие щетинкой губы, он пригнулся намокшему, и надо сказать, что уже давным-давно у него даме в мыслях не было постыдиться.

Может быть, он счастлив потому, подумал он, что, прежде чем исчезнуть, существо все-таки остановилось, чтобы понять ему на прощание руку?

А что касается подарка, то намим бы он ни был члеником, основная ценность его заключалась в том простом чувстве, которое он пробувал. Прошло много лет с тех пор, но как-то было удачно: Мозе.

В бесконечных глубинах вселенной было одиноко и мрачно без Спутника. Кто знает, когда еще увидится обрести другого?

Вот иконит, он поступил неразумно, но старый дынар был таким добрым, таким неловким, трогательным и таким милым. А тот, той пух да лял и стремитель, должен путешествовать налегке. Ему бышало ничего было дать.

Переведя с английского С. ВАСИЛЬЕВА

дней? Пушкин исчез и пропал несколько дней. Дни эти он провочел в счастливой компании, — писал Вересов в книге «Пушкин в жизни», составленном на подлинных документах и достоверных воспоминаниях современников. Слова эти принадлежат младшему брату поэта — Льву Сергеевичу Пушкину. Они относятся к двадцатим годам прошлого века, когда Пушкин был сослан в Молдавию.

Рассказывают, что как-то поздней вечером Пушкин услышал в одном из цыганских палаток песню. Беспрерывный голос в сопровождении гитары сразу захватил поэта своей чарующей красотой. Поэт не знал цыганского языка, но и без слов он почувствовал мольбу и горе, страстную надежду, нежность и призыв в причудливой, колдовской мелодии песни. Так впервые он услышал «Мелодию», песни ставшую его любимой. Он слушал ее потом много раз. В этой песне рассказывается о горькой судьбе цыганской девушки, которую выдают замуж за богатого, старого, ненастоящего жениха.

Именно в это же время, по словам современника, Пушкин, живший в таборе, познакомился с дочерью буи-баши — старосты табора. Этим же Зенфиря. А в том же времени спустя год написал свою великодушную нотку «Цыганам».

История довела до нас и очень любопытные воспоминания цыганки Тави, которую знал в Пушкина. В Москве, на Кудринской площади, в дом, где находился цыганский хор, приехали Пушкин и Нащокин. Нащокин уже бывал у цыган раньше. Пушкина он привел впервые. «А с ним (с Нащокиным) еще один, небольшой ростом, губы толстые и худатый такой... И только он меня увидел, так и помер со смеху, забыл белое, болыше, так и сверкает. Показывает на меня: «Поваренок, поваренок! А на мне, точно, платые красное сиденье было и платок белый на голове, колпаком, как у поваров. Засмеялся я, и только он мне очень некрасив показался. И сказала в своем подругам по-нашему, по-цыгански: «Дика, дика, на не лачо таки вавешекери! — Гляди, гляди, как нехорош, точно обезьяна!» Они так и залились. А он приставил: «Что ты сказала? Что ты сказала?» «Ничего, — говорю, — сказала, что вы надо мной смеетесь, поваренок совете». А Павел Волкович Нащокин говорит ему: «А вот, Пушкин, послушай, как этот поваренок поет!»... Главная романс у меня был «Друг милый, друг милый, судачка полюбила. Как и ея пропала. Пушкин с лежанки скок, — он как приехал, так и вообразил на лежанку, потому что на дворе холодно было, — и по мне. Кричит: «Радость ты моя, радость моя, знаши, что я тебя поваренком называл, ты бедная прелесть, а не поваренок!»

И стал с тех пор часто ездить и нам...»

Это Пушкин... А если мы вспомним другие славы имена в русской литературе, в искусстве, то, пожалуй, не найдем ни одного писателя, композитора, художника, который бы не знал, не любил бы цыган, их лирические проникновенные песни, их огненные пляски — их древнее и вечно молодое народное музыкальное творчество. Лев Толстой и Горький, Влод и Бескин, Ко-

лов и Алуштин, Шалигин и Рахманинов — все они испытали на себе влияние песенного искусства этого удивительного, романтического народа.

Но и цыгане, в свою очередь, много почерпнули из русской поэзии, русской музыки. Цыгане поют цыганские песни и романсы, написанные на слова русских поэтов, на музыку русских композиторов, вдохновленных историей и бытом цыган, создавших произведения, полюбившие и принятые цыганами за свои. В наши дни, как и сто лет назад, цыганские песни и романсы неизменно любимы молодежью и стариками, физиками и лириками. На концерты выган билетов не достать. Топля у входа в цыганский театр «Роман» («Нет ли лишнего билетина?» — постоянное явление. Почему это? Чем объяснить эту традиционную для русского сердца, неизменную любовь?

Мне думается, эта любовь питается из двух источников.

Очень давно, еще тогда, когда по нашей земле ходили легендарные скиты — наши древние предки, цыгане уже раскидывали в степях свои живописные палатки, пели свои чудные песни. Через тысячелетия скитания, через невероятные гонения, лишения, муки пронес этот на-

род свое самобытность, свой характер, свое искусство. Это — искусство сильных чувств, страстей, красивой мечты, яркой надежды. Ведь не зря цыгане выимают себя излучением за солнцем. За этим романтическим образом скрываются их вневременные поиски счастливой жизни. Может ли такое древнее, из самой глубины сердца народного источника искусство не волновать, не привлекать с неслыханной силой?

А если ко всему сказанному прибавить тот вклад, который сделали наши поэты и наши музыканты, прибавить все то русское, что они привнесли в искусство цыган, то мы найдем ответ на вопрос о традиционной и неизменной любви к песням цыган. Их песни, их характер — это уже в немалой степени наши песни, наш характер, характер сильных чувств: яркой любви, верной дружбы. Размытая дилемма о причинах любви русских людей к цыганскому искусству, приходящий к заключению, что это прежде всего искусство яркой, народной правды. Если мы слушаем даже современную цыганскую песню, то в ней присутствуют все черты цыганской песенной традиции: правдивый рассказ о народе, его характере, о человеке, его переживаниях, будь то песни о любви, или о скитаниях цы-

ган по земле, или о прекрасной дикой природе, окружающей человека. Цыгане поют о том, что близко им по складу характера, по быту, по традиции, и потому в их песнях мы слышим бытие самой жизни. Что же касается мелодической стороны, то ведь именно то, что цыганская музыка воспринимала очень много от русской музыкальной традиции, от русской мелодики, именно это делает ее для русского человека и близкой и понятной.

Романтика всегда привлекала нас. Романтика: сильные чувства, яркая красота природы, безудержное волюнтаризм — все это, окрашенное национальными эстетическими чертами так притягивает сердца людей к цыганской песле. Но не все. Где человеку, низкому душе, погруженному в мелочные мысли о маяждовенной борьбе за копейки, рубли, сотни рублей, пришедшему в дека и в жизни к обману, подлости, где такому человеку понять высокий накал чувств и мыслей цыганских песен и плясок! Такой человек воспринимает односторонне и односторонне эстетическую внешность цыган, обязанность чувств, и он хочет слышать от цыган песен «попроче», «попоятнее» — он, попросту говоря, хочет

бы все тела притягиваются с силой, прямо пропорциональной их массе и обратно пропорциональной квадрату расстояния между ними. Собственно говоря, и в нашей теории не так уж много можно добавить к этой формулировке, но тем не менее никто не считает закон всемирного тяготения сколько-нибудь сомнительной гипотезой. А раз это так, то почему нужно делать исключение для кварков?

Нам известно и немало других примеров из истории науки. В начале прошлого века термин «гипотеза» считался самым лишь шутливоческим приложением, а через столетие Г. Морган разработал основные принципы современной гениетики. Поименовав закон наследования признаков, установленных Менделеем еще в 1865 году, ему был известен механизм деления половых клеток. Сегодня материальность наследственности — генны уже найдены, и ученые пытаются понять механизм их действия.

И так же, как было бы ста лет тому назад, факты и наблюдения были в пользу закона, следовательно, гипотеза. Но тем не менее многие физики по-прежнему считают из всего лишь сомнительной гипотезой. Правда, с каждым годом сторонников у нее становится все больше. Об этом можно судить хотя бы по двум сообщениям, происходящим в Академии наук СССР и посвященным проблеме кварков. На первом «зале Института физических проблем, где собрались сторонники и противники этой гипотезы, был наполнен пуст, а на втором, состоявшемся в феврале, он еле вместил всех желающих.

Рассуждения в пользу кварков можно было бы продолжить. Но проинтервьюировать, обязательно, персонал бы их вопрос: «А почему все-таки кварки до сих пор не найдены? Ведь у физиков, кажется, нет никаких сомнений в существовании аппаратуры. На это возражение физики только бы улыбнулись. «Современные синхрофазотроны — даже самые крупные в мире — не что иное, как стада танков по сравнению с танками, достойной полки кварков», — отвечали бы они, высказав, в сущности, печальную, но вполне очевидную мысль.

Согласно знаменитой формуле Эйнштейна, энергия, необходимая для возникновения частицы, равна произведению массы частицы на квадрат скорости света. Если учесть, что кварк значительно тяжелее протона (теоретические расчеты дают только нижний предел: как минимум пятьдесят протонных масс), станет понятно: ни на одном из существующих ускорителей микр кварки не могли бы быть получены. И только специальный сверхмощный генератор для получения сверхвысоких магнитных полей, на разработку которого направляется группа академика А. Д. Сахарова, может стать колыбелью этих удивительных частиц.

Правда, в космических лучах есть небольшая доля частиц очень высоких энергий, которые при столкновении с ядрами атомов верхних слоев атмосферы в чрезвычайно небольшом количестве рождаются, могут родить кварки. Расчеты показывают, что за пять миллиардов лет в земной атмосфере должно было бы образоваться такое их количество, что на каждый квадратный сантиметр поверхности Земли пришлось бы примерно 100 миллиардов кварков.

Проблема обнаружения этих частиц должны были бы накопиться, например, в океане: ведь нейтрализованная кварки несли, у них двойной заряд. Но когда применили эффек-

тивность океанической руды, она получилась равной одному миллиграмму кварков в кубическом километре воды. Увы, даже в миллион раз большая мощность не смогла обнаружить ни один из известных нам методов химического анализа или физических способов исследования вещества.

Каждый, по-видимому, самое совершенное топливо, которое человечество надеется обладать. По расчетам при синтезе кварков выделяется в несколько тысяч раз больше энергии, чем при термоядерной реакции. Только усовершенствованным кварком пока охватывают сверхвысокое излучение квазаров. Возможно, что это способствовало появлению квазаров, из которого, по предположению академиком В. А. Амбарцумяна, состоит звездная ассоциация и галактики, являются не чем иным, как скоплениям кварков.

Желание найти кварки очень велико, наверное, поэтому трудности не смущают ученых. Так, идея академика Я. Б. Зельдовича о скоплении кварков в Мировом океане и некоторые порывы Земли уже находят свое конкретное воплощение. Советские физики В. Брагинский, Я. Зельдович, Мартынов и В. Мигулин готовят опыты по обнаружению кварков в различных веществах. По существу, они являются повторением, но уже на современном уровне классических опытов Амплера, намагнившего заряд электрона. Если экспериментально будет доказано, что заряд, меньшего, чем заряд электрона, не существует, то, кварковой гипотезе не подпорозится.

Еще на первой конференции один из экспериментаторов предложил очень интересный метод излучения кварков из океанической воды. Идея пришла в голову ученому, а именно, а из луча разогнанных в электрическом поле частиц, которых в образовывавшемся паре будут являться ионы, которые затем пропускаются через электронную линзу. В зависимости от массы и заряда частицы будут фокусироваться на разных расстояниях. Где-то в строго определенном месте будут собраны и кварки. Таким методом можно получить в миллиарды раз большую их концентрацию, чем в океанической воде.

Геохимики говорят, что они не удивятся, если кварки обнаружат привязанность к какому-либо химическому элементу. Тогда его месторождения будут в месторождениях металлов. Биологи утверждают: наверняка есть животные, подобные электрическому скату, которые способны концентрировать в себе кварки. Астрономы предполагают, что и радиоактивные, излучаемые далекими источниками, можно использовать для проверки кварковой гипотезы. Дело в том, что если кварк есть во Вселенной, например, в радиогалактиках или иных объектах — квазарах, то и их радиосигнатура должна присутствовать и кварковая теория кварков должна входить на волне 106 сантиметров).

Итак, недостатка в идеях нет. Теперь самое разумное ждать результатов работ, которые, как решено на последних океанических совещаниях, будут развернуты во всех ядерных центрах СССР.

— Ну, а если эксперименты не обнаружат кварков? Что тогда будет делать теория кварков, спросил как-то академик Зельдович.

— Что ж, — ответил он, — тогда придется приписать кваркам не 10, а, скажем, 15 протонных масс, а экспериментаторам начать поиски сначала.

ПАТНЫЙ ТУР: знаете ли вы гроссмейстера?

А б в г д е ф в 8
7
6
5
4
3
2
1

1. Сколько во всем мире выигрывается шахматных, удостоенных звания международного гроссмейстера? (3 балла.)

2. Сколько международных гроссмейстеров у нас в Советском Союзе? (2 балла.)

3. В каких трех городах мира проживает наибольшее количество гроссмейстеров? (3 балла.)

4. Назовите самого молодого гроссмейстера. (2 балла.)

5. Кто из советских шахматистов в 12-м годовом соревновании 1960 года завоевал право на получение звания гроссмейстера? (2 балла.)

6. Какой советский гроссмейстер чаще других своих коллег выступал на турнирах наций? (2 балла.)

7. Кто из указанных гроссмейстеров — классиков шахмат, Пондехин, Фишерштейн, Шпильман, Маршалл, Тараша является автором следующих комбо, (каждый в 6 баллов):

8. Назовите самый вариант состава симметричной сборной мира по шахматам 1968 года (или почти досклад). Два балла получат те участники олимпиады, чей состав совпадает с мнением большинства.

А б в г д е ф в 8
7
6
5
4
3
2
1

Рисунок В. ТИЛЬМАНА

ТУРНИР ПРЕТЕНДЕНТОВ

НЕИЗВЕСТНОМУ МУРЕЦУ

А б в г д е ф в 8
7
6
5
4
3
2
1

Игры — габубо интересной, как оная, как несейный, Тусысчателый и живучий. Уничетатель неизвестный Уничетав слабой мировой!

Обратный мат в четыре хода. Как видите, исходное положение белых и черных фигур на шахматной доске действительно подходит на мотумент.

ДОРОГОЙ ЧИТАТЕЛЬ!

Наша редакция искренне стремится, чтобы отношение читателей к журналу было самое доброе, чтобы он оказался нужен каждому, кто хоть однажды взял в руки тридцатидвухстраничный экземпляр «Смены».

В 1967 году «Смена», как и прежде, будет выходить в этом объеме. Не изменится ее периодичность, преймью останется и цена. Не останется без изменений, пожалуй, только одно: работа редакции.

1967 год — год 50-летия Советской власти, год дальнейшего претворения в жизнь решений XXIII съезда КПСС и XV съезда Ленинского комсомола.

Редакция будет расширять тематику своих выступлений, углублять показ многогранной и яркой жизни наших современников и прежде всего молодых.

Из номера в номер «Смена» будет печатать главы из книги Б. Яковлева о Владимире Ильиче Ленине, где собран новый материал о жизни и деятельности великого вождя революции.

В разделе очерка и публицистики читатель найдет материалы под рубриками «Навстречу 50-летию Великого Октября», «Герои наших дней», «Пятилетка и ты». Мы продолжим начатый в нынешнем году большой разговор о жизненном пути тех, кто, окончив школу, ищет и находит себя и свое место в общем строю. Эти материалы будут публиковаться под рубрикой «Как быты! Нем быты!».

В фотоочерках «Смены» читатель увидит осязательный творческий труд советской молодежи в самых разных углах страны, познакомится с миром ее больших интересов, ее учебной и отдыхом.

Спорт, наука, техника, международные связи советской молодежи, искусство будут занимать еще более значительное место в журнале.

Мы хотим, чтобы в новом году читатель больше размышлял над нашими материалами, находил в них также мысли, которые помогли бы ему сделать верный шаг, подсказали правильное решение. С проблемными статьями и очерками на острые морально-этические темы в «Смене» выступят М. Алексеев, М. Галлай, Л. Лиходеев, С. Львов, А. Трубинова, Ю. Ханютин, Л. Шейнин.

В литературном портфеле редакции много стихов известных и молодых советских поэтов. Повести и рассказы для журнала пишут А. Адамов, Ю. Трифонов, А. Рекемчук, Г. Семенов, Ч. Айтматов, А. Коваленков, В. Осипов, Ю. Полухин, В. Марченко, И. Варшавский, Нобо Абе, Станислав Лем.

В каждом номере «Смены» будут публиковаться остроумное приключенческое или научно-фантастическое произведение, песни, кроссворды, юмористические рисунки.

Мы постараемся сделать все для того, чтобы в 1967 году «Смена» удовлетворила интересы самого широкого круга читателей. Чтобы каждый читатель, взяв в конце года подшивку, не сожалел о том, что подписался на наш журнал.

— НИКАК НЕ ЗАСЫПАЕТ...

Рисунок Е. ШАБЕЛНИКА

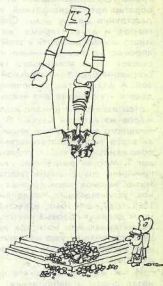
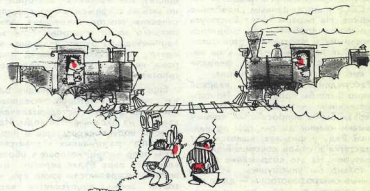

Рисунок О. ТЕСЛЕРА

НА СЪЕМОЧНОЙ ПЛОЩАДКЕ

РЕЖИССЕР: — НЕТ! НЕТ! ВСЕ СПАЧАЛА!

Рисунок А. НЕКРАСОВА

Первая страница обложки: Лес продолжает.
Фото С. ПЕТРУХИНА

НАШ АДРЕС:

Москва, А-15, Бульварный проезд, 14.

ТЕЛЕФОНЫ РЕДАКЦИИ:

Для справок — Д 3-30-87; отдел литературы и искусства — Д 1-32-84; отдел очерка и публицистики — Д 1-62-51; международная линия — Д 3-31-50; физкультуры и спорта — Д 3-31-90; песни — Д 3-30-47; науки и техники — Д 1-04-10; фотосектор и редакция — Д 3-30-87; информация — Д 3-31-03; оформления — Д 0-29-38.

Главный редактор В. И. САМОХИН.

Редакция: К. К. Андреев, В. Н. Ганчев, А. Д. Голубев (заместитель главного редактора), Е. А. Долматовский, А. Н. Ефремов (отв. секретарь), К. Н. Замощкин, Р. Ф. Казанова, А. П. Кулешов, С. А. Лавров, Е. И. Рыбчиков, Г. В. Семенов, С. С. Самронов, А. Б. Стуков (главный художник).

Учужены не возвращаются.

Художник-оформитель В. Соколов.

Технический редактор Н. Вудкина.

А 10382. Подписано к печати 30/III 1966 г.
Формат бум. 70 × 108¹/₂. Печ. л. 4. Усл. печ. л. 5,8.
Тираж 1 000 000. Изд. № 1719. Заказ № 2294.

Ордена Ленина типография газет «Правда» имени В. И. Ленина. Москва, А-47, ул. «Правды» 24.

Ах, море, море!

Неторопливо.

Музыка М. Танича и И. Шаферана. Слова М. Танича и И. Шаферана.

Музыка М. Танича и И. Шаферана. Слова М. Танича и И. Шаферана.

Слова М. ТАНИЧА
и И. ШАФЕРАНА
Музыка А. ОСТРОВСКОГО

Моряк вразалочку
Сошел на берег,
Как будто он открыл
Пятсот Америк.
Ну, не пятсот, так пять
По крайней мере —
И все на свете острова
Он знал, как дважды два.
И пусть проплавал он
Всего неделю
И юнгой числится
На самом деле,

Девочки ахали
И вслед глядели.
Всегда нам кто-то смотрит вслед
В семнадцать лет.

Припев:
Ах, море, море,
Волна под облака,
Ах, море, море,
Не может жить,
Не может жить
Без моряка.

За юной стайкою
Бегут ребята.

Им тоже хочется
Носить бушлаты,
А юнга держится
Молодцеваго
На волну глядит с тоской,
Как старый волк морской.
А утром снова он
Покинет берег,
И будут ждать его
Пятсот Америк,
Ну, не пятсот, так пять
По крайней мере —
Материков открытых нет
В семнадцать лет.

Припев.

Он драит палубу
И свято верит,
Что где-то ждут его
Пятсот Америк.
Ну, не пятсот, так пять
По крайней мере —
Ведь без мечты покоя нет
В семнадцать лет.

Припев:
Ах, море, море,
Волна под облака,
Ах, море, море,
Не может жить,
Не может жить
Без моряка.

К Р О С С В О Р Д

Составил Г. ДМИТРИХИН
г. Москва

По горизонтали:
7. Лагерь для агитаторов.
8. Аппарат, регулирующий силу элентрического тока.
9. Работник издательства.
11. Персонаж оперы М. П. Мусоргского «Воеводис Годунов».
12. Промысловая морская рыба.
13. Представитель населения одного из национальных округов в СССР.
16. Начало шахматной партии.
17. Город в Алтайском крае.
18. Совершенство, высшая цель стремлений.
19. Вершина Большого Кавказа.
21. Стелотворение А. В. Кольцова.
22. Река в Крыму.
26. Имя известного композитора и дирижера XIX века.
28. Автор книги «Путешествия Гулливера».
29. Советский композитор.
30. Город на берегу Оки.
31. Научный труд Карла Маркса.

По вертикали:

1. Северная ягода.
2. Цитрусовое дерево.
3. Русский революционный публицист и поэт.
4. Северное сказание.
5. Соцветие злаков.
6. Древняя рукопись.
9. Автор романа «Нейт-Дэг».
10. Полное сходство, подобие.
13. Наука о морзали.
14. Рассказ А. П. Чехова.
15. Река, на которой в XIII веке произошла первая битва между русскими и татаро-монгольскими войсками.
20. Советский гроссмейстер.
22. Краткое изложение содержания научной работы.
24. Старинная французская монета.
25. Северная чайна.
27. Радиоактивный химический элемент.
28. Итальянский оперный певец, выступавший в Советском Союзе.

ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД, НАПЕЧАТАННЫЙ В № 17

По горизонтали:

7. Казария. 8. Лукумба. 9. Кабачок. 10. Пингвин. 11. Искитча. 14. Собилов. 15. Ливеран. 16. Чусовья. 18. Транзит. 23. Сахалин. 24. Траурец. 25. Маховик. 26. Скоррец. 27. Дисканг. 28. Новиков.

По вертикали:

1. Сарыск. 2. Чекалин. 3. Линотип. 4. Суриков. 5. Сумгаит. 6. Абрикос. 12. Минусин. 13. Таблица. 14. Сатковит. 17. Маллет. 18. Барокко. 19. Гигиена. 20. Трактор. 21. Дубовин. 22. Черенон.

Цена номера 20 коп.

Индекс 70820

Выставки работ молодых художников страны в редакции журнала «Смена» становятся традицией. Недавно у нас экспонировались картины Алексея Анисевича — живописца из Казани. Его творчество привлекало внимание искусствоведов, журналистов. В этом номере «Смены» мы публикуем репродукции некоторых картин А. Анисевича и статью «Чувство пути» Г. Нисского и Г. Анисимова о творческих исканиях молодого художника (см. стр. 24—25).

Пастухи.

Пащья.

Лисья ферма.

Заволжье. Красные деревья.

